

№ 3

ФЕВРАЛЬ 1928 Г.

ЦЕНА 10 КОП.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

10 ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

ЧИТАЙТЕ в № 3 журнала „СМЕНА“
Д. КРУТИКОВ.—Дудак. Полтора Эхахара
(рассказ). А. ИСБАХ.—Вооруженная жизнь.
Д.М. ПЕТРОВСКИЙ.—Нежинское восстание.
М. ГРЭН.—Капитошество готовится к вой-
нам. И. САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ.—Потомок
венецианского дожа (большой роман приклю-
чений, продолжение).

ПЛАКАТ 1919 ГОДА,
призывающий к борьбе
с Колчаком.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 год

ЖУРНАЛЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

„СМЕНА“ — двухнедельный, иллюстрированный массовый журнал молодежи.

Подписанная цена снижена на 50%.

Журнал реорганизован и дает на своих страницах два больших приключенческих романа.

Подписанная плата: на 1 г.- 1 р. 80 к., 6 мес.- 95 к., 3 мес.- 50 к., 1 мес.- 18 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: „Библиотека приключений“ на существо и на море“, 10 книг. Ц. 7 р. 50 к. (вм. 13 р. 13 к.), „Библиотека комсомольских поэтов“, 5 книг. Ц. 2 р. 50 к. (вм. 4 р. 75 к.), „Библиотека туриста“, 2 книги. Ц. 1 р. 10 к. (вм. 2 р. 15 к.). „Молодость“, литературно-художественный альманах. Ц. 1 р. 20 к. (вм. 2 р. 25 к.).

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ — ежемесячный литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный журнал ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

Подписанная плата: на 1 г.- 10 р. 50 к., 6 мес.- 5 р. 50 к., 3 мес.- 2 р. 80 к., 1 мес.- 1 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Собр. сочин. С. Семёнова, в 3-х томах (печат). Собрание романов и повестей С. Малавова, („Две войны и два мира“), Записки Анании Шумеркина, „Сочинения Евлалия Зеваллианина“. Собр. сочин. А. Жарова в одном томе (печатается). Все перечисленные книги высыпаются подписчикам по выходе из них с печатью со складкой в 40% от номинала.

Собр. сочин. С. Басова-Верхоянцева, в 2 том. Ц. 1 р. 25 к. (вм. 2 р. 10 к.). Собрание статей — „Как и над чем работать писателю“. Ц. 85 к. (вм. 1 р. 50 к.).

„ЮНЫЙ КОММУНИСТ“ — двухнедельный руководящий орган ЦК ВЛКСМ.

Подписанная плата: на 1 г.- 7 р. 20 к., 6 мес.- 3 р. 70 к., 3 мес.- 1 р. 90 к., 1 мес.- 65 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Стенографический отчет VIII съезда ВЛКСМ будет высыпан по выходе из печати со складкой в 40%. Серия „За единство ВКП(б)“, 6 книг. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 75 к.). „Библиотека комсомольца-активиста“, 8 книг. Цена всей библиотеки 2 р. 75 к. (вм. 4 р. 75 к.).

„КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОРАБОТНИК“ — двухнедельный орган Агитпропа ЦК и МК ВЛКСМ.

С 1 января 1928 г. журнала выходит в увеличенном размере.

ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ПОИНЕРОВ

„ПИОНЕР“ — двухнедельный иллюстрированный детский журнал, орган ЦБ и МБ юных пионеров и Наркомпроса.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Стробоскоп — прибор для кинематографических изображений. 2) Как сделать проекционный фонарь и картины к нему. 3) Как оборудовать звеньевую уголок. 4) Плеска.

Годовые подписчики получают все 4 приложения; полугодовые — 2 приложения.

Подписанная плата: на 1 год - 3 р., 6 мес.- 1 р. 60 к., 3 мес.- 85 к., 1 мес.- 30 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека журнала „Пионер“ из 7 книжек. Цена всей библиотеки 80 к. (вм. 1 р. 45 к.). Собрание повестей и рассказов Н. Богданова, 6 книг. Ц. 1 р. 70 к. (вм. 2 р. 65 к.). „Библиотека романов-приключений“, 7 книг в перепл. Цена всей библиотеки 9 р. (вм. 15 р. 50 к.).

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ получают только годовые и полугодовые подписчики. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ за особую доплату по значительно удешевленным ценам получают подписчики на срок не менее 3 месяцев.

ПОДПИСКУ И ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ:

в Главную Контрольную Комиссию Издательства „Молодая Гвардия“ — Москва, Новая п/я, 6/8, в отделения и представительства Изд-ва, в почтовые конторы, в отделения централизации и в газетных издательств и в киоски Контрагентства печати.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.- 5 р. 80 к., 6 мес.- 3 р., 3 мес.- 1 р. 55 к., 1 мес.- 55 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Серия „За единство ВКП(б)“, 6 книг за 90 к. (вм. 1 р. 75 к.). „Библиотека деревенского агитпропработника“, 6 книг за 1 р. 25 к. (вм. 2 р. 07 к.). „Библиотека городского агитпропработника“, 5 книг за 1 р. 50 к. (вм. 1 р. 75 к.). Библиотека для самообразования „Наука и сельское хозяйство“, 17 книг за 1 р. 25 к. (вм. 9 р. 35 к.). „Весна игр и развлечений“. Ц. 1 р. 15 к. (вм. 1 р. 80 к.). Стенографический отчет VIII съезда ВЛКСМ (будет выслан в июне 1928 года со складкой 40%).

„ВОЖАТЫЙ“ — двухнедельный руководящий журнал ЦБ юных пионеров.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) для годовых подписчиков — „Спутник вожатого“, под редакцией ЦБ ЮП, 20 тыс. листов, в переплете. Решение пленума ЦБ юных пионеров (декабрь 1927 г.). 2) Для полугодовых подписчиков — Крупская Н. — „Путя пионердвижения“. 218 стр. Цена от продажи 75 к.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.- 4 р., 6 мес.- 2 р. 20 к., 3 мес.- 1 р. 15 к., 1 мес.- 40 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Бухарин Н. — „Борьба за кадры“. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 60 к.). Зорин В. — „Международное детское коммунистическое движение“. Ц. 40 к. (вм. 70 к.). „Библиотека книг для городского вожатого“, 7 книг. Ц. 1 р. 80 к. (вм. 2 р. 95 к.). „Библиотека книг для деревенского вожатого“, 7 книг. Ц. 2 р. (вм. 3 р. 40 к.).

„КИМ“ — ежемесячный орган Исполкома КИМ и ЦК ВЛКСМ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.- 4 р. 20 к., 6 мес.- 2 р. 20 к., 3 мес.- 1 р. 15 к., 1 мес.- 40 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека „Вопросы международного юношеского движения“, 5 книг. Ц. 2 р. 40 к. (вм. 4 р. 22 к.). Литературно-художественная библиотека „Тerror капитала“, 6 книг. Ц. всей библиотеки 2 р. 50 к. (вм. 4 р. 85 к.).

„ИЗВЕСТИЯ ЦК ВЛКСМ“ — двухнедельный руководящий орган ЦК ВЛКСМ. ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 г.- 3 р., 6 мес.- 1 р. 50 к., 3 мес.- 75 к., 1 мес.- 25 к.

„ЗНАНИЕ-СИЛА“ — ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал для подростков.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Воздушный бой (настольная игра). 2) Справочная книга юного мастера (сборник практических рецептов).

Годовые подписчики получают бесплатно оба приложения, полугодовые получают одно приложение.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.- 2 р. 50 к., 6 мес.- 1 р. 30 к., 3 мес.- 70 к., 1 мес.- 25 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека журнала „Знание-Сила“ из 9 книжек. Цена всей библиотеки 1 р. 15 к. (вм. 2 р. 05 к.). Серия „Наука и техника“, 19 книжек. Ц. 95 к. (вм. 1 р. 75 к.). Серия „Беседы по естествознанию“, 4 книги. Ц. 1 р. 75 к. (вм. 2 р. 90 к.). Серия „Пионер и сельское хозяйство“, 7 книг. Ц. 1 р. 15 к. (вм. 2 р. 10 к.).

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЛЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУМРА.—ШАХМАТЫ И ЗАДАЧИ

Редакция и коптора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписанная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 3

ФЕВРАЛЬ

1928

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

ИСПОЛНЯЕТСЯ 10-летие Красной армии.

Красная армия по заслугам имеет право называться доблестной, непобедимой. Путь к Красной армии лежал от Красной гвардии, одно напоминание о которой в 1917—18 гг. вселяло ужас и ненависть в буржуазию. Красногвардеец с красным бантом и трехлинейной винтовкой совершил Октябрьскую революцию, крепко защищая первые месяцы пролетарской диктатуры и советской власти. Пролетарская молодежь была одной из основных частей Красной гвардии.

Красногвардейский период в нашей революции длился недолго. Небольших отрядов, хотя и сколоченных единым стремлением победить врага, но не оформленных организационно, хотя и жестоко сражавшихся с юнкерами в Октябре, но непригодных для длительной гражданской войны,—уже было недостаточно.

Нужен был бронированный кулак, в который обединились бы все эти отдельные отряды, сформированные в единую железную армию. Такая армия, получившая звание Рабоче-Крестьянской Красной Армии, была создана. Могучим руководством ВКП и пролетарской диктатуры она была сильна. Могучим стремлением всех ее бойцов было победить врага.

И нужно ли перечислять всех Колчаков, Деникиных, Врангелей и всех других генералов царской своры для того, чтобы показать все то, что проделала в обстановке ужаснейшей разрухи Красная армия? Нужно ли вспоминать, что одно время Советская республика составляла всего лишь несколько губерний, и цепкие когти врага тянулись к сердцу мировой революции—Москве для того, чтобы задушить в корне рабоче-крестьянскую власть? Нужно ли напоминать о всех надеждах государств Антанты на превращение

России в европейскую колонию, о посыпке солдат с Запада для интервенции в Россию и субсидировании всех генералов и меньшевиков, достойных их сотрудников, средствами и оружием.

Красная армия вынесла на своих плечах военные тяготы, отражала жестокий налёт белогвардейцев, ударив в конце концов по ним так, что они не оправились от этого удара, и покончила со всеми заветными мечтами собственной и заграничной буржуазии.

Молодежь была в гражданскую войну в первых рядах защитников Советов.

Красная армия обновилась с тех пор с головы до ног. Обучение в ней сейчас проходит рабоче-крестьянский молодняк.

Красная казарма — хорошая школа для каждого молодого рабочего и крестьянина. Советская власть открывает своим гражданам станки и сохи не для тупой муштровки и выколачивания мозгов. В Красной армии на учбе рабоче-крестьянская молодежь обучается и тому, как верно употреблять винтовку против врага, и тому, кто ее враг, как строить новую жизнь.

Красная армия, где сходится и рабочая и крестьянская молодежь Советской страны для защиты рабоче-крестьянской власти,—место, где смычка рабочего класса с крестьянством должна красной нитью проходить через военную учебу, где молодые рабочие и крестьяне усваивают общие задачи и познают, как удовлетворять общие нужды,—она воспитает нового крестьянина, такого крестьянина, который будет знать силу своего союза с рабочим классом.

С момента победы Красная армия стоит на страже советской власти, является постоянным готовым пресечь все новые попытки напасть на Советский Союз.

Т.Т. Ворошилов и Бубнов в 1921 году на барите под
Новороссийском

ДУДАК-ПОЛТОРА ЗАХАРА

Рассказ Д. КРУТИКОВА

ЕЖЕЛИ противник тебя сильнее на счет и ежели кони у него оборотисты, а кишка толще, ежели получилась у тебя неустойка и уносить ты на жеребчых ногах скову голову — уноси, гад! Уноси и помни, будто есть еще впереди время и место подходящее, будто можешь ты, чортова дудка, обернуться и на супротивника зубы оскалистые.

Когда убьют под тобой коня, и не случится тебе большиего, акроме как взаться за наган, и ежели есть в см какая надежда — разрыди ту надежду в свою пустую манерку.

Когда окружат тебя ненавистные противники, засверкают глазами и шашечками над твоей папахой и нет у тебя вылаза от хрючущего приказа — сдаваться нельзя. Подними ты, дружок, рученки белые до горы, мотнишь вперед и зубами ножи ровно в ногу вцепишься. Очень занито, когда отсбоячит вражья сабелька твою голову начисто с белой шейки, и будет та головка забуенная мотаться туда-сюда на вражьей ноге.

Ежели на худой конец взяли тебя противники под твои сучьи печенки, привели тебя, воробушка, в чистую горницу, в офицерский суд, — исконы ты, дружок любезный, всю эту историю, плюну сердечно на зеленый столик и конвойных скажи:

— Вали, братчики! Гони, как следует! Черты вы, кисловые, когда вы только мозги прочистите? Амманяют вас!

И когда поведут тебя, любезный боез, на смертельный казнь и пальнут в тебя на последнем твоем месте — не подайся в останции час. Набери, дружок, силеник на четыре словаечка, крикни врагу, чтобы не сомневался:

— Лярвы! Рази так стрелять?

Помереть потом можешь. Помереть каждому погасаешь.

Где придется — в тихие степные ночи, в медовых хуторах, в часы полнитрамоты или под девицы кружевые песни, под сердечный смех, под забористую «метелицу», от которой даже казенные кабаки отлетали в сторону — хороший уставчик выкладывал эскадронный полтитрук, дядько Захар Дудак, за свой саженый рост зацепивший от веселых людей кличку — Полтора Захара.

И всегда неизменно кончал Дудак уставчик дорогим для бойцов разрешением: «Оправьтесь, закурите».

Можно было слушать Дудака всем, у кого ладно были привычены уши. Не давал человеку звания полтитрука за то, что се — даудт за дело. За седые нависшие брови, за глаза, быстрые и темные, как два винтовочные дула, за сиворыжие, вершка по три с гаком уса, за худое лицо, в глубоких несчетных морщинках, которого крепко влялась юзовская антрацитная пыль, за тот рубец, что пересек переносицу горбатого носа, тот рубец, что разжился Дудак в Петрограде в жаркий со всех сторон июльский день, за кличуку Полтора Захара, которой дорожил дядько, как дорожил и старой прокуренной трубкой, потому что в ней, как в хорошем горне, не угасал веселый огонек. Не угасал он и в испытанном за пятьдесят лет сувором и добром сердце.

Ой, Полтора Захара! Ой, дядько Дудак, не ты ли выкладывал разноисум и комолым ряжкам свои нигде не написанный уставчик, всю твою сердечную полнитрамоту? Не от уставчика ли этого поднимались к звездам и солнцу же стальные машиновые звезды папах и стыни в гордости и решимости заветренные лица конников? Не этот ли уставчик сбрасывал тяжелые, привыкшие к рукоятям молотов и пугов руки на медноголовые рукоятки шашек, чтобы тискать их в любовной тоске? А утолив жажду сердца словами запозделей thawих, разве не косились конники друг на друга, одобрительно кивали головами, и, расходясь с душевной беседы, не они ли говорили подним голосом:

— Добре дядько Дудак вычите.

— Шо доброе, то добре.

— Старый бать, а за двоих молодых скаже.

— Эге же! Хай ему добра всячина, на тэ вин и Полтора Захара.

II

Добрый устав, и слова добрые в том уставе про всякий печальный день. А вот случилось же такое, будто забыл сам старый Дудак те слова, и сидит Дудак в тряусичной теплушке, возле дымливой печки, и нет с Дудаком ни нагана с семью надеждами, ни шашки, ни даже трубки, чем бы разогнать недобрые думы. Шипет Дудак уцелевший от всей неразбей-

ших ус и бродит глазами по запертным снаружи дверям, по вагонным углам, по взятым в защелки люкам, по дыре в крыше над печкой. И будто не замечает дядько товарищей, что сидят вместе с ним у печки и ведут абы-какой разговор, чтобы не врохнуть впереди спящее горе. Словно не знают они, дружки сердечные, что в какую-то из этих морозных ночей обворется для каждого из них последний час. Будто и они не видят, что сидят у двери на обрубке шапель-часовой и лежит у него на коленях винтовка и что готова она к бою, кабур нагана расстегнут и в нем семь надежд. И когда мельком взглянет Дудак на дружков своих, белоглат сердечных, и на часового взглядывает — не видит Дудак в нем противника. Будто сел сдуру человек подальше от тепла и будто земляк он и сторожит земляков по малохольности своей. Запят бы ему вместе с Мазурком, подладить подголосочек под его ласковый голос:

«Эх, да ночи темные, да непограйные.

Надоело мне, понаскучило.

Понаскутило на часах стоять,

На часах стоять, караул держать...»

Подождать, пока стихнут зэмлики, и издалека, будто голос ветром занесся, завести душевный зеван:

«Ой, вы други мои, вы товарищи,
Вы лъ орлы мои сизокрылые...»

Поднять песню до самых стоячар, чтобы звенела она сребристыми колокольцами до любезной Тверской губернии, до деревни Никитовки.

«Вы лъ орлы мои сизокрылые,
Сокола лъ мои поднебесные...»

«Хорошо поют, сукими коты» — думает дядько Дудак и сам мурызится в лад песне:

«Кто из вас, сокола, на Кубань летал?
На Куме, на реке, лебедей видел...»

Мурлычет Дудак и глядит на дружков в сердечной истоме.

«Эх, и крываши у вас связаны.
Что и пыльные дорожки позаказаны...»

...Всех пятерых к орденам представить: Мазурка-пудеметчика за то, за се. За то, что выперся один-на-один с Маскимкой вперед цепи, откуда повидней. С одной ленты срезал передние белые цепи. А когда получилась неустойка, когда окружили его гривающие кони татар, суну Мазурок синицую Лемановскую гранату в пулепетный короб и сам не пожалел ее. Но его беда, что сдала гранату и не разорвалась, и что связали его. Мазурка, по белым рукам.

Турбу — матросица бестолкового, Савельева — командирского ординарца, Бубликова — с тяжелой рукой и крепким басом, — за разные боевые штучки на потеху бойцам. И даже Семыкина Петью, что жарит теперь на раскаленной печке вишь, а в бою зарубил насмерть белого полковника и адъютанта его заруби.

Всех бы к ордену. Только его, Дудака, старую крысу, привязать за что-то к тачанке и гнать в карцер вдоль и поперек, пока что-то не оторвется. Мало расстrelять Дудака. Куда глядили в бою черные очи? Куда косились сивые усы, когда вырвался третий эскадрон из цепи и повернулся назад, унося ноги от убитого командира, когда чортова пехота на правом фланге покидала трусливые винтовки, когда батальонный командир застывал, ровно на садебке от не в меру вылитой самогонки, и скосился в снег?..

Эх, распахали тулю пашенку
Не плужами да не сожами.
Распахали тулю пашенку
Теми звонкими колпаками...»

Мало тебе, Дудак, одиночной позорной пули.

Привели Дудака в офицерский суд. Наглумились над тобой, старый, насмеялись. Так и надо тебе, сивый пентюх. Не принял ты команда на батальонов во-время, с слепых глаз стал эскадрон из боя выводить. Получи, Дудак, три с полтиною да мешок луку. Мало радости, что исконы ты офицерский суд. Нет в том толку, что плюнул ты на зеленое сукно. Кто ж об этом узнает? И хотят везут тебя с товарищами в белый тыл незнамо для какой причины, а сгинешь

ты, Дудак, Серпяговой смертью без всякой товарищем пользы, на славу международного положения буржуазии.

«Взорони ту пашенку

Трехдюймовыми шрапнельками.

Посевали ту пашенку

Головами молодецкими...»

Так нет же! Не может такого быть?

— Друг, ты бы закурил. Скинуло, небось?

Оглянулись ребята на Дудака, на его к часовому любезный вопрос. Сверлит Дудак часового взглядом и улыбается.

— А не курши, так нас угости. Мы в долгу не останемся. На том воззможном свете у чертей займет — отдадим.

Дневное дело. Улыбнулся часовому, приподнял правой рукой винтовку, левой в штаны слазил. Выдернул кистетик, свиного пузыря, швырнулся Дудаку. Взял Дудак кистетик, просвело лицо.

— Спасибо, дружок. Ты не тверской ли будешь?

— Тверской.

— То-то сразу видать земляка.

Переделал Дудак кистет товарищам, подмигнул, передавая. Позже к печке за угольником — цигарочку прижечь. Зашумели дружки бумажками. К часовому с вопросами, а часовийнос в сторону.

— Не могу я с вами разговаривать.

— Эх, ты, а еще тверской!

Закатился Мазурок переливчатым смехом. Толкнулся в юк матросика Турбу.

— Вот у нас Турба тоже тверской, а гляди какая разговорчивый. Года не пройдет, глядишь, слово брикнет. А брикнет, как в луку ухнет.

Пыхнула дымком бубликом и толстым голосом уронила словечко:

— Тверской-то, тверской да уезды разные. Один уезд в Курской, другой в Тульской. Бя-ада!

И прохромотом по вагону басистый смех.

— Получи, дружок, кистетик. Благодарствуем. Доброволец ал набильзований?

— Набильзований.

— Гм...

Выткнула Дудак ноги поближе к огню, прочищает длинными затяжками стариковские мозги. Знакомое что-то в конвойной ряжке. Вот знакомое — и баста! И будто издалека, из черного кутка вылетела мыслишка. Хмынуло теплотовой в ноги, зацепило неосторожно стариковское сердце.

— Коня.

Если зайти на рудник и спросить хату Дудака, то люди покажут хату. И в хате на выбеленной стене висят картиночки и портреты. И есть среди трех портретов Иван Захарович Дудак, ефрейтор 124 Воронежского полка, во всей геройской видимости. А если заглянуть под кровать в расписанной сундучок, лежит среди барабаша сундука запаланное письмушко, а в письмушке том полковое извещение, что убит Иван Захарович Дудак на реке Збруч, о чём родителей повещают.

— Эх, ребята! Хоть бы рассказали что-нибудь. А то я расскажу.

Широко задохнулся старый Дудак.

— Вали, дядько Дудак, выкладывай кому семья, кому восьмь. Все до отказа. На том свете брехать некому будет.

Присоединяется Дудак к печке, облокачивается на тяжелые осиновые поленья и смотрит в огонь.

— Было у нас под Ямщицким дело. Напоролись мы на белую заставу. Как шли, так и напоролись. Вот так белые, а так мы...

И широкий развод руками.

III

Как сидели ребята у костра, так и примерзли. Поднялся Дудак во весь саженичий рост и неспешно подошел к людям. Сиял с защелки, опустил чугунную дверцу и дыхнул морозным ветром норовистыми ноздрями. Обернулся к дружкам.

— Поняли?

Словно по команде поднялись дружки, перевода испуганные глаза с Дудака на разбитую поленою голову тверского земляка, на его вздрогивающие сапоги. Словно по команде, шагнули к Дудаку и встали, заметались на месте, как пойманы на баштане седусом дедком ребятишки. Командирский однорядник всхлипнул криплым носом, и незнано зачем торопливым крестом перекрестился Петя Семыкин.

— Ну! — обрвала Дудак тишину. — Кончать надо. Кто первый?

Забегали растерянные глаза, боясь встретиться друг с другом.

— Назначай, дядько, ты.

По лицам искал Дудак, с кого начинать. Остановился на Мазурке.

— Вали, Михайл!

Обнимались сухо и ни слова не обронили в напутствие. Подседал Дудак Мазурку к люку. Заглянул Мазурок в люк и обернулся. На полный ход гонит. И все сунулись к нему, словно торопились, чтобы не задерживал разговором очередь.

— Прощаю, дядько!

Неуклюже полезло в люк тяжелое тело, переломилось. повисело на сапогах и сорвалось на волю. И нечего было слушать. Стучали колеса, а может быть, пять сердец выступали тревогу. Не все ли равно?

— Савельев!

И опять жадные глаза проводили в люк мелькнувшие ноги Савельева. Последним лез Семыкин. Он подтянулся к люку, заглянул и замер.

— Не могу, дядько! Боязно...

Дудак снизу ударил его кулаком по спине.

— Лезь, отправь! У-у! Убью!

И обхватив руки ноги Семыкина, Дудак рванул его от себя вверх. И только что мелькнули семыкинские ноги, освободив кромку люка, только что Дудак подошел к часовому, чтобы взглянуть на него ногам в неизвестную дорогу, как с воли, заглушил колесный стук, разорвался винтовочный выстрел. Дудак кинулся к люку и пристык у стены. Выстрелили пошли бухать справа и слева. Хрипучий паровозный гудок заорал тревогу, и смолкая стуком, встал эшелон.

Дудак постоял на стены, потом усмехнулся в единственный ус и сунула наган на очику штанов. Не спеша, словно в шахте, в потемках угольной шахты, шагнул он к часовому, поднял винтовку и, когда за стеной вагона заорали, замаягались растерянные голоса, когда по разговорам понял Дудак, что один из пяти убит, а остальные пошли к лесу и чорт их найдет в такую темноту, когда стали окидывать часового, Дудак опустился на колени возле печки и стал ждать. Кто-то стучал в дверь и гремел защелкой, потом дверь скрипнула и плавно пошла, открывая синюю щель — Дудак вскинула винтовку к плечу и, поймав по стволу чью-то голову, ударила. Вспыхнули выстрелом и очередной смертью голоса смолкли и широкие смолкли, чтобы принять хриплую обладающую команду.

— По вагону чисто начинай!

И словно к нему, к Дудаку, отнеслась эта команда. Не видя цели, он стал выпускать в стену вагона пули. Шепеля от пробоин отстегла ему в глаза. В согнутую колено чакнуло острое и горячее. Боль потекла по телу. Дудак выпустил последний заряд. Он бросил винтовку и от боли опустился на грудь поленьев. Но все также не спеша, вынув из очику нагана, стал бить в невидимого противника. На четвертом выстреле ему показалось, будто кто-то застонал там, на воле, и Дудак на стоян выпустил пятую и шестую надежду. Потом, откинувшись назавичай, он начал дулом нагана стык между бровей и, пока падал жал пусковой крючок, успел Дудак, усмехнувшись, подумать:

— Прощай, Полтора Захара!

И зажмурился глаза, Дудак крикнул тем, что дырявили стены вагона:

— Эх, лярвы! Рazzi так стреляют?..

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Шлите в редакцию ваши предложения и замечания об общем характере журнала.

Ставьте перед редакцией вопросы, освещение которых вы хотите получить в очередных номерах журнала.

Критикуйте содержание прочитанных вами номеров журнала.

Редакция «Смены» берет на себя обязательство самого внимательного отношения к читательским предложениям, кроме того, в целях закрепления связи с читателями, по наиболее острой бытовым и общественным вопросам «Смена» в ближайших номерах «Отдел ответов». В нем будут печататься ответы авторитетных товарищей на письма, затрагивающие важные и волнующие молодежь вопросы.

РЕДАКЦИЯ

ВООРУЖЕННАЯ ЖИЗНЬ

Очерк А. ИСБАХА

ВЕСНА... В раскрытые окна казармы веет весенним ветром, и весенние запахи проникают в казарму, пыльные и зовущие весенние запахи.

И особенно приятно в эти дни веселым строем шагают за город на тактические занятия.

Поют все. Покут даже та, кого нельзя было заставить раскрыть рот зимой.

За городом раздолбье. Не узнать тех снежных полей, где провели мы только месяц назад наш первый поход.

Теперь плачет снега. Белый пушистый мех покрылся проталинами, побурел. И местами струйки воды сливаются в ручьи, и, словно лентами, глубоко-глубоко перекрещена зимняя шуба земли.

Весна... И особенно бурно проходят тактические занятия. А в первых гремит молодой смех, опять льются песни, бурно радуется весенняя дия школа.

Теперь уже винтовка не ждет пальцев, как бывало на зимних занятиях, теперь легко вскидываешь ее через плечо... И вдруг вперед с песнями.

В КАРАУЛЕ

Через несколько дней парад. Сегодня получил назначение в караул — охранять зрителей. Я — караульный начальником, Симонов — разводящим, часовым — Неливцев, Цыганков и еще несколько курсантов.

Процитировали мы еще разок гарнизонный устав и двинулись...

Склад на набережной...

Принял я караул, разводящий проверил

пости, расставили часовых.

Смена завалилась спать на нары. А мы с Симоновым в маленькой прокуренной

караулке коротали вечер.

— Т-р-р-р... зазвонил телефон.

Вот чорт! Кто бы мог так поздно вчера звонить?

— ...Говорит начальник гарнизона. Все ли у вас в порядке?

Как живет наша армия? Пожалуй, мы недостаточно это знаем. Если царские казармы давным-б지도, казенничий и бесстыднейший муштрай, то наши красноармейские общецветные имеют свою глубоко-своеобразную жизнь. Для года военной службы для миллионов советской молодежи — не только годы военной подготовки, но и самой разносторонней учебы. Очерк Исбаха вводит читателя в этот мир в его повседневности, и тем яче выступает при внешней простоте внутренняя интересность этой жизни. Подробнее о жизни, о буднях и праздниках нашей армии читатель может ознакомиться по книге тою же автора «С винтовкой и книгой», выходящей в Издательстве «Молодая Гвардия».

И слышу я, что у начальника гарнизона Федьки Чернова голос. Ба, да он же речь на выставке карауна! Поговорили мы с ним. Разговор сбил сон с глаз. А то, проклятый, одолевать начал. Ночь выдалась темная, ни зги не видать. Оставил я Симонова, пошел посты обходить. Больше всего боялся, как бы Неливцев не закурил на посту. С него было.

— Кто идет?

— Карач...

Темная фигура Неливцева маячила на посту. Пшел дальше. В глубине двора взад и вперед расхаживал Цыганков. Наш член Молодежи был необычайно спокойным. За него я был спокоен...

Вернулся в караулку. Там в эту ночь караула рассказал мне Симонов о мечтах своих скоровенных.

— Приеду я после армии, организую сельскохозяйственную артель. Научился я уже здесь многому. Еще большему научусь и других мужиков учить буду. Главное спасение для нас в артели.

И до самой поры вести смену на пост рассказывал мне Симонов, как плохо живет у них деревня в Чувашской области, и как он будет помогать ей после армии всеми знаниями, которые здесь получит.

Так без особых приключений окончилась эта ночь...

Днем грело солнечко. На дворе играли дети. И караулить было одно удовольствие. Давала себя чувство уединения, беспечности, спокойной сонной ночи.

При сдаче караула вышел казак...

Пришел принять у меня караул отдельком З-й роты, все осмотрел и записал в книгу:

«Принял все за исключением вышеупомянутого...»

— Какого вышеупомянутого? — удивился я. — Ведь выше ничего не упомянуто...

— Так принято, — упрямился отдельком.

И долгих трудов стоило мне его убедить снять эту глупую надпись...

Эту ночь в казарме спали мы особенно крепко. И во сне я

крестьянин ЦИК
Седзу Советов

видел, как Симонов на крестьянском склоне что-то с жаром доказывает крестьянам.

ЦЫГАНКОВ — ЧЛЕН ЦИН

На посту в горизонтальном карауле стоял в тот день маленький красноармеец Цыганков.

...В огромном зале Большого театра се-
оглашал Всероссийскому

спикер Центрального комитета

ДОПРИЗЫВНАЯ ПОДГОТОВКА МОЛОДЕНИЙ. Молодые ученые за изучением винтовки

трального Исполнительного Комитета. И среди других фамилий где-то не очень далеко от Калинина и совсем близко от Чичерина и Цорлури было прочитана фамилия:

— Цыганков — беспартийный, крестьянин, красноармеец.

Так стал красноармеец Цыганков членом советского правительства...

Сначала это было чудно и необычно. А потом привыкли ребята к тому, что среди них находится собственный член правительства.

Так же, как и другие, член ЦИК винтовку, так же, как и другие, ходил в наряд.

И часто именно там в наряде, на кухне — за чисткой картошки велись длинные обстоятельные разговоры и о политике нащей, и о делах китайских, и о многом другом. «Собственный» депутат разговаривал и разтолковывал.

И по вечерам на койке цыганковской собирались ребята после поверки, и самые разнообразные темы разбирались, что называется, до точки.

ДОПРИЗЫВНАЯ ПОДГОТОВКА МОЛОДЕНИЙ. Вечерние занятия на московских бульварах

— Карач — караульный начальник.

Да еще на поверке иногда отсутствовал Цыганков. И отдельно доказывал старшине, что красноармеец Цыганков отпущен на заседание ЦИК или Моссовета или по другим правительенным делам.

Маленький Цыганков, бывший член сельсовета деревни Прохоново, Тейковского уезда, понял, что избрание его в ЦИК кладет на него большую ответственность.

И все свободное от учебы время он посвятил книгам и газетам. Ведь к нему всегда могли обращаться красноармейцы. И на все он — член ЦИК — должен был ответить...

Казалось непонятным, как мог за короткий срок так вырасти этот маленький рядовой красноармеец. Но политческим он стал первым. А во внеклассовые часы его всегда можно было увидеть в кругу красноармейцев. Цыганков всегда что-нибудь рассказывал.

И вместе с тем член ЦИК успешно готовился стать отдельным командиром.

Курсант полковой школы Цыганков был одним из лучших в своем взводе.

Потом уже, после экзаменов, когда Цыганков получил право прикрепить к петлице два треугольника отдельного командира, он получил отпуск на две недели с ездой в родное село.

Пошел Цыганков в ЦИК «ситься с учетом».

И там для ему ЦИК порученное во время отпуска обследовать работу вика и призывающей комиссии.

С широкого казарменного двора, с сундуком через плечо отправился член правительства на вокзал...

И вот опять в приказе по полку промелькнула строка:

«Возвращавшегося из отпуска... зачислить на довольствие...»

Цыганков в полку. Со вниманием вслушивались красноармейцы в отчет его о поездке домой. Весь взвод был из Цыганковского уезда. О многом расспрашивали, о многом переговорили в тот вечер.

А перед сном маленький Цыганков стал собирать бумаги и доклады для отчета ЦИК о поездке и проделанной работе...

В казарме было уже темно, и только у тумбочки дневального, где пристосился кто бы в этот день не был

член правительства, электрическая лампочка освещала груду бумаг и маленькую белоголовую фигуру.

Член правительства готовил отчет.

1 МАЯ

... Наконец, настал день 1 мая. Выдали нам новое обмундирование, новые подсумки, ремни к винтовкам. Стажирующиеся отдельными коми приспособились к петлицам треугольники. Каждый внимательно ждал, радостно перемигиваясь с солдатами, осматривал друг друга. Как бы не подкачать наши штыки и треугольники на петлицах.

УЧЕБА И БЫТ КРАСНОЙ АРМИИ. Лыжная прогулка

— Полк, смирно! — скомандовал начальник штаба.

И из ворот показалось знамя. На щитоукосине дрефко в твердой руке Володи Нахимова.

А за знаменем вышел командир полка.

— Поздравляю вас с великим праздником трудящихся — 1 мая.

Казалось, воздух был взорван многочисленными ответами «ура».

А потом в походную колонну построился полк, и по утренним весенним улицам пошли мы на площадь Ногина, где собиралась вся дивизия.

И, четко отбивая шаг по мостовой, с усмешкой вслух омыли мы, как ровно полгода назад беспорядочной толпой по этой же дороге шли мы в казарму.

Сейчас мы казались себе старыми испытанными бойцами.

... На площади Ногина оркестр 4 полков слился в один.

Многие, вернее большинство, в первый раз видели Красную площадь, в первый раз видели мавзолей Ильича.

Солнце смеялось на зданиях наших штыков. Высоко на Кремле полыхало красное полотнище.

— Парад, смирно! — раскатился по всей площади голос комвояжных Базилевича. А из кремлевских ворот показался на коне председатель Реввоенсовета Клим Ворошилов.

Замер наш полк. Рапорт наркомовому отдал комвояжами, и потом вождь Красной армии обогнал по фронту войск, поздравляя всех с праздником.

Теперь «ура» кричала вся площадь. С трибуны мавзолея читал нарком слова красной присяги:

— «Я сын...»
И вся площадь отвечала:
— Я сын.
— «...трудового народа...»
— ...Трудового народа...
Бойцы Красной армии принимали присягу.

УЧЕБА И БЫТ КРАСНОЙ АРМИИ. Красноармейский кооператив

УЧЕБА И БЫТ КРАСНОЙ АРМИИ. Упражнения с пиками

НЕЖИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

(НАН СОЗДАВАЛАСЬ КРАСНАЯ АРМИЯ НА УКРАИНЕ)

Очерк Д. ПЕТРОВСКОГО

КОМИТЕТ сидит в
тилье весь в цементе,
и его распоряжения
за упокой гospоди.

— Ой, гляди, Микола,
чтобы этот сепаратизм
не сел нам на голову.

— Подожди. Вот что:
это ты верно говоришь.
Надо связаться, а то дей-
ствительно может вле-
теть, и с кем же?.. Э!
Прямая дорога: с пра-
вительством. Вот что,
Наум: жарь-ка ты туда.
Мы тут без тебя обой-
демся как-нибудь.

Так говорил подполковник Микола Крапивинский члену подпольного комитета матросу Науму Точеному, возражавшему ему по поводу решения делать по-
встанье против немцев. Разговор происходил в глухом лесу Нежинского уезда —
Городице, бывшей турецкой крепости,
в августе месяца 1918 года.

Массовое недовольство крестьян на
Украине немерно росло, и особенно-
го напряжения оно достигало в наиболее
хлебных местах, где охотнее располагали-
сь оккупационные немецкие войска, каким
был и Нежинский уезд. Крапивинский
решался использовать эту революционную
энергию масс для удара по зу-
бам оккупантов и гетману.

— Это ты хорошо говоришь, Наум:
надо легализовать. Но дальше скрываться
в Городице мы не можем: мы распу-
хли, нам надо сделать вылазку. Пиши
приказ... Кончай: «с богом вперед».

— С какими «богом», Микола?

— Все равно с какими: кто поймет,
то и хороши. Это бойко звучит.

— Ну ладно — с богом, так с богом...

Написал. Давай инструкции: что гово-
рит?

— Когда же ты туда приедешь...
Микола стал загибать пальцы на левой
крестьянской своей руке, на кото-
рую сочувственно смотрел Наум, думая:
«Хорошо, что хоть подполковник, да свой
чорт. Не поверил бы я белорусу, а этому
«деспоту» верю. За несколько дней пе-

Очерк Д. Петровского иллюстрирует одну из характернейших особенностей гражданской войны. Это — стихийная организация красных боевых сил в тылу белогвардейцев всех цветов и оттенков. Сперва это — партизанские отряды, часто слабо дисциплинированные и действующие в разбрзг, но из них в процессе борьбы неизбежно вырастут дисциплинированные и героические отряды Красной армии. «Нежинское восстание» явилось как-раз таким первоначальным моментом в классовой борьбе на Украине (против гайдамаков и немецких оккупационных войск). Д. Петровский — участник партизанского движения на Украине и в своей поэтической работе создал ряд ярких образов лирики этого боевого периода. В Изд-ве «Молодая Гвардия» вышла его книга стихов «Черноморская четверть», посвященная революционной борьбе Черноморского флота.

ред этим разговором Крапивинский на виду у всех партизан своей рукой расстрелял одного из партизан за невыполнение боевого задания; партизанский круг хор и жалел товарища, но выдержал расправу, покорясь дисциплине.

— Так сегодня понедельник. В четверг, значит, ты на нейтральной зоне. Ну,

бери клянц и гайды...

— Вер да? Хальт! Штой! — отаборили Наума немцы.

«Вот гады!» — подумал Наум, с ленивым видом направясь к потвороженному человеку подымаясь с глубины поместиельной гарбы на окроп.

— Иди до дома, — отвечал он.

— Авсиги! Дурак, мюжик, хам! Шла-зи, пис крев!

Наум также лениво и медленно вылез и стоя перед немцами, ничем не выдавая беспокойства.

Через час он был заперт в сарай, слу-
живший складом для дров и всякого хо-
зяйственного хлама. Там же лежало и
сено, недавно скоченное. У ворот сарая
поставили часового.

Немцы спирночевали. Они подозревали всех новых поезжаков и выдерживали их до утра, чтобы потом познавать и расспрашивать. Это был кулацкий хутор, неподалеку от села, тоже кулацкого, которому Наум Точеный дал себя знать еще с весны, вернувшись из Балтфлота и

с жаром провода повсюду земельную уравнительную реформу.

Наум понимал, что на утро, будучи предъявлен кулачеству, он провалится.

Единственный экземпляр приказа «с боям вперед» был подшип в гонилице санюка, но якорь на руке был уже достоинным доводом для расстрела (на утро), если даже кулаки и не уличат его. Надо выбраться.

Наум приподнялся с места, но немец в это время поглядел на него сквозь щель в порталах, и как на-эло луна жарилась прямо науму в лицо. Он закрыл глаза и притворился спящим. Он решил выжидать, пока луна перекочует влево или вправо, или спрятчется за тучу. (А как раз вдалеке грохотал гром и шли тучи).

Но немец все равно будет додглядывать в сарай. Ба... — рядом с ним оказалась колода чуть поменьше человеческого роста. Наум потихоньку стал укрывать колоду своим армиком, а сам лег позади колоды и притворился следить за немцем. Когда луна закрылась тучами, немец, чтобы разглядеть пленника, притворил ворота, шагнул к посмотрил: он принял укрытую колоду за спящего Наума. Наум понемногу отполз к углу сарая, в котором он заметил еще ранние дыры в крыше и — был таков...

Наутро немцы добывши из села кулаков для опознания пленника привели их, торжественно раскрыли сарай и... каков же был пассаж, когда из под ноги немца, толкнувшего колоду, воображаемого пленника, выплылаась гнилая колода. Немцы были взбешены: Наум и след простыл.

А между тем в утреннем чутком осен-
нем воздухе слышна была частая пуле-
метная и ружейная стрельба. Это отвлекло немцев от вздохов, прокийт в по-
зичину часового, упавшегося Наума. Они седлали коней и устанавливали на

КРАСНАЯ АРМИЯ НА МАНЕВРАХ. Перед выпуском газов

КРАСНАЯ АРМИЯ НА МАНЕВРАХ. Переправа через реку с пулеметом

тачанки, пулометы, собираясь отправиться по направлению учащавшейся стрельбы.

Стрельба была в селе Веркиевке. Это одна часть разделенных на две боевые группы партизан осаждала экономика помощника Терещенко, служившую штабом гайдамаков. Другая же часть из городицких лесов еще ночью принаилась в Нежин, но была спровоцирована городской организацией и разбита немцами до основания: 200 человек попало в плен. Об этом еще не знала другая часть, орудовавшая в Веркиевке.

С утра женщины, предупрежденные о торжественном народном восстании, пекли по всем избам хлеб для «лисовиков» (так звались партизаны), а девчата, нарядившись по-праздничному, стояли на улице толпой, следя за боем и помогая раненым лошадям. Вдруг толпа девчат шарахнулась. Одна из девчат самая красивая в селе — Гали, была убита шальной гайдамацкой пулей. Гой разгорялся, а звон дверей убитой девушки, над ее трупом, положенным на вынесенный стол, стала почетный партизанский каваул и подруги-девчата, неиздумавшие плакать. Даже мать убитой не рыдала, так как обыкновенно над мертвым, а тихонько вытирая слезы, глядела на свою красавицу doch, живую, веселую еще минуту назад.

Гайдамаки, спокойно жившие в экономии в количестве двух сотен, были застигнуты спаслою в своих постелях после пьянки. Бомба, брошенная в окно и разбудившая остальных, взорвала рот-мистра гайдамаков в постели вместе со шлохом. Молодой гайдамак, ставши с убитой плащ, пытался переодеться, ча-

сяясь спастись таким образом, сдавшись на милость благородных партизан в качестве свободной женщины. Но это ему не удалось. Возмущенная подруга убитой

ночью под предводительством Крапивинского на Нежине, была разбита, с боем отступили в лес.

Наум в это время, достав хорошую лошадь на пастбище за рекой Десной (чечено-немецкую) скака, как Искра с донесом Коубеч. Вечером следующего дня он уже был в Почепе и доложил самому правительству о создавшемся по положению, просил задним числом санкционировать повстанье.

Весть о победе веркиевцев обогнала Наума: в черниговской газете, только что полученной в Почеп, гастревшие германские власти уже сообщали о полном разгроме гайдамаков партизанами в Нежинском уезде, где то как на завтра та же газета сообщила (жирным шрифтом) на этот раз, что нежинское повстанье подавлено и двести человек захваченных партизан посыпаны в тюремную и ждут расстрела. Это было опозоривающее сведение о действительном произошедшем первой выступавшей группы.

Вторая же половина нежинцев, одержавшая победу в Веркиевке, подбирая по пути разбрехшихся по лесам белоголовых нежинской неудачи, двигалась сначала цепью лавой, а потом, сделав на небольшие группы (по мере столкновения с пропагандистами), двигалась на нейтральную зону, чтобы образовать здесь под присмотром молодого украинского правительства четвертый уже по счету украинский полк.

Так стихийно создавалась будущая мощная не только духом, но и организованностью и дисциплиной Красная армия на Украине, теснилась на линии шириной в 1½ версты над рекой Десной, на так называемой нейтральной зоне.

БУДУЩАЯ ВОЙНА В ЧАСТУШКАХ МОЛОДЕЖИ

ЧАСТУШКА фиксирует все наиболее интересное в общественной и личной жизни молодого поколения.

За последние времена во всех городах, заводах и селах идут слухи о возможности новой войны, которую могут назвать СССР его враги. Молодежь в своих песнях старается определить характер и исход будущей войны.

Вот несколько таких, собранных в Уральской области песенник гармонистов-импровизаторов на тему о будущей войне.

В них молодежь высказывает свое отношение к этой войне с капиталистическим миром, свое понимание характера этой войны.

1. ПРО СЛУХИ О ВОЙНЕ

Проталинка, проталинка,
Широкий водопой, —
Вот слух идет не маленький —
Грозится враг войной.
Уж подули ветры буны,
Вскрьлись замыслы буркай-
ны, —
В бой хотят втянуть Союз,
Союз молвил: «Не боюсь»,
Как крепим военный строй,
Помолчим об этом.
Не грозись, буркай, войной —
Твоя песня спета.

Коль случится вдруг война,
То не наша в том вина,
Наш Союз всем говорит,
Что войны он не хотят.

Снеги пали, белы пали,
Пали, не растаяли,
Насвойной не запугали —
Мы все крепко спянили.

Мы сумеем отразить
Буркайзию, —
Нам помогут победить
Массы в Азии.

2. ОБ ОТНОШЕНИИ МОЛОДЕЖИ НАКОТОМ СЛУХИ О ВОЙНЕ, ЕСЛИ ОНА СЛУЧИТСЯ

И банкиры, и буржуи,
Их лакеи и холуи
С белой грудью в черных
Фраках
Говорят о скорой драке, —
Что же? С этого ордой
Мы давно готовы в бой.

Если враг рискует на бой
С нашей мирной землей, —
Биты на смерть зияют,
Враги в бездну полетят.

Коль буржуи и фашисты
Нам объявят вдруг войну, —
Им покажут коммунисты
Свою красную звезду.

Пролетарий на войне
Капитал сплит в огне, —
Чрез мучение и кровь
Будут радость и любовь.

Хребес

Музикальный кружок разучивает ноты

Капиталисты готовятся к войнам

Очерк М. ГРЭНА

И С МОРЯ И С БЕРЕГА

ТОРОПЛИВО и жалко вооружается Англия, и впоследствии строит военные суда по 10.000 тонн. Но ей этого мало — и в 1926—27 г. построены линкоры «Нельсон» и «Родней», длиной 202 метра, водоизмещением в 35.000 тонн (свыше 2 миллионов пудов) и мощностью механизма в 45.000 лош. сил. На испытаниях они показали скорость 40 км в час — совсем не плохо для такой машины. Такой линкор вооружен девятью крупными орудиями по 408 мм сорока шестью более мелкими. Новый тип линкора резко отличается от прежних почти полным отсутствием выдающихся частей (одна надстройка, одна дымовая труба и одна мачта). Боеевые посты управления помешаны в бронированной башне. Отметим еще, что для такого суденышка потребовалось 30 км электрических кабелей. Стоимость линкора около 70 миллионов рублей.

Главная сила новейших линкоров и крейсеров кроется в могучей артиллерией. 16-дюймовая пушка (такими вооружены, например, «Нельсоны») представляет десятислойную стальную трубу, весит вместе с установкой около 10.500 пудов и стреляет снарядами в 66½ пудов на расстояние 50 верст. Четырнадцатидюймовая швыряет снаряды в 39 пуд. на целых 70 верст. Величайшее значение имеет скорострельность орудий. Современные пушки заряжаются меха-

ническим путем и ведут беспрерывную стрельбу. 16-дюймовка свободно делает по выстрелу в минуту, а пятнадцатидюймовка делает по 14 выстрелов в минуту на расстояние 23 км.

«Наника» снарядов возрастает и количественно и в своей разрушительной силе. Если новый 8-дюймовый снаряд попадает в слабо защищенный борт корабля, он оставляет пробоины таких размеров, что в нее свободно может пройти трамвай.

Развитие морской артиллерии заставило задуматься над усилением береговых укреплений. Крупные сухопутные орудия стреляют теперь на расстояние 120 км с такой же примерно скоростью и разрушительным действием, как и морские. Тяжелые 16-дюймовые пушки перезаряжают с места на место на особых железнодорожных платформах с моторным двигателем. Более легкие — до 8 дюймов — просто перевозятся на автомашинах по шоссейным дорогам.

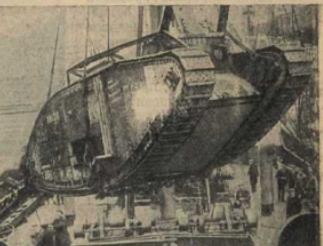
Для прикрытия судов, укрепленный или сухопутных частей применяются «лавсы» — дымовые (выпуски дымообразующей смеси из баллонов, стрельба дымовыми снарядами) и световые (наводка сильных прожекторов в сторону противника с 2—3 вспомогательными кораблями). Сейчас производятся успешные опыты стрельбы по невидимым целям при посредстве самолетов, наблюдавших за движением противника и по радио-телефону передающих батареям результаты наблюдений.

Особенно следует подчеркнуть, что с первых дальних стрельб, развивавшихся после конференции в Гитлеровской Германии, губительные не столько для флота или даже фронтовых частей, где возможность попадания сравнительно невелика, сколько для мирного населения городов и промышленных центров в 30—40-верстной береговой полосе. Попадая в густо заселенные районы, тяжелые снаряды причиняют огромные разрушения и уносят большие количества человеческих жертв.

ГИАНТЫ ВОЗДУХА

Не отстает Англия и в области авиостроения. Не дальше, как в 1926 г. и 1927 г. здесь выпущены летающие лод-

ки-гиганты с 2 и 3 моторами по 650 лош. силы каждый. Лодки эти могут брать по 70—120 пуд. бомб и не нуждаются в ан-

Погрузка английского танка на пароход

гарамах, так как во время стоянок они просто становятся в порту на якорь.

Во время войны от самолета требуется как можно большая скорость движения. В этом отношении капиталистические страны усердно конкурируют между собой, так что не каждый месяц ставят мировые рекорды. Так, чешский истребитель «Бристоль-Юпитер» развивает скорость 250—270 км в час. Но и у англичан идут впереди. Ни осенина соединенных гоночных гидросамолетов побудил английский летчик на самолете «Супермарин С. 5», показав среднюю скорость свыше 453 км в час. Рассчитывают, что поставленная на колеса такая машина будет развивать скорость свыше 500 км.

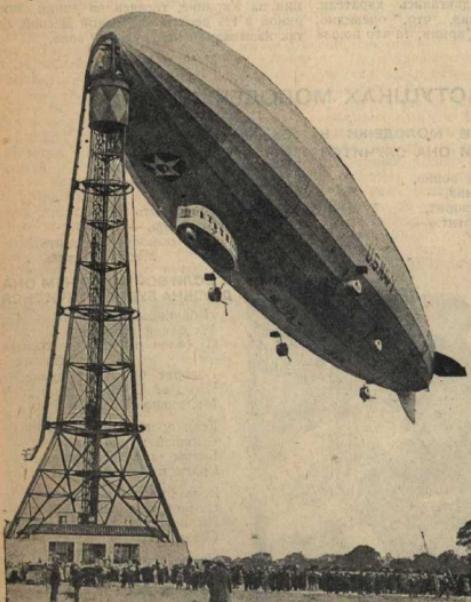
Одновременно развивается дирижаблестроение. Обладая меньшей скоростью, дирижабль зато выгодно отличается от самолета огромной грузоподъемностью и длительностью полета, независимо от погоды, которая так влияет на самолет. Например, дирижабль жесткой системы «Цеппелин ZR-3» перелетел в 1927 г. без спуска через всю Европу и Атлантический океан с средней скоростью 100 км в час. Еще больший «Цеппелин» строятся на верфях гор. Фридрихсгагена в Германии (мы уже говорили о нем в предыдущем № «Смены»): предполагается, что он будет брать около 2.000 пудов груза и летать 10—11 тыс. км с одним спуском. Такая длительность полета достигается за счет замены бензина газом этиленом в качестве горючего.

В Англии строится гигантский дирижабль, который будет брать с собою, кроме пассажиров и груза, два самолета.

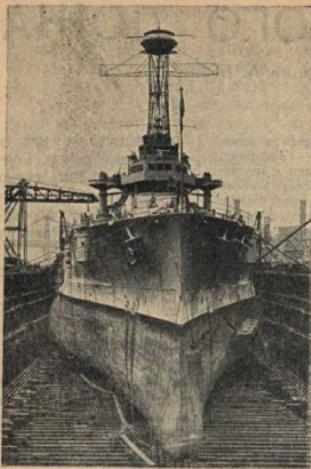
С необычайной быстротой развивается авиация и во Франции. По быстротности французские самолеты приближаются к английским и, в свою очередь, упорно приближаются к скорости 500 км в час. Строятся колоссальной величины гидросамолеты «Пенз» с пятью моторами по 420 лош. сил. Не удовлетворяясь этим, французские конструкторы проектируют самолет с 7 моторами по 800 лош. сил.

СТАЛЬНАЯ НАВАЛÉРИЯ

На ряду с такими успехами в деле авиастроения, Франция уделяет большое внимание своей сухопутной армии.

Американский дирижабль «Лос-Аннеклес» на причальной мачте

Американский дредноут „Флорида“ во время ремонта в сухом доке

16 ноября истекшего года там состоялись обширные маневры, демонстрировавшие «механизацию» связи и оперативной деятельности во французских войсках. Во всем районе маневров не было видно ни одной лошади. Все распоряжения отдавались с помощью радиотелефона, радиотелеграфа и радиопередатчика, установленных на автомобилях и мотоциклах. По первому зову радио вылетали мото-эстафеты и мчались за 10 км с секретными пакетами по изрытому грунту со скоростью 50 км в час. «Кавалерийская» разведка без труда «отманихала» на 60 км и больше часами по ухабам и рывням, при чем мотоцикл, оставшийся в запасе и обслуживаемый одним человеком, свободно вел «на поводу» пятерых «мото-коней», скрепленных между собой специальными крюками. Блинидированные автомобили с пулеметами; саперы на мотоциклах с величайшей быстротой устанавливавшие телефонную связь и еще быстрее убирающие проводку при отступлении; автомобили, которые набрасываются на вражескую батарею и почти мгновенно взрывают ее под охраной боевых самолетов; ружья-пулеметы на мотоциклах, осмыкающие неприятельский аэроплан пулами — такую картину будущей войны продемонстрировали последние маневры французской армии.

УНИЧТОЖЕНИЕ ВСЕГО ЖИВОГО

Война будущего с полным основанием рисуется, как соревнование в первую очередь химической промышленности воюющих стран. Систематическое применение химии для уничтожения людей началось в империалистическую войну, когда немцы выпустили (в 1915 г.) большую волну хлора. Целая дивизия французов вышла из строя, люди сотнями задыхались —бежать было некуда. «Союзники» быстро мобилизовали свои химические заводы и в конце того же

года ответили немцам фосгеном — газом, действующим в 8 раз сильнее хлора, и т. д. Бешеная конкуренция в применении отравляющих веществ привела к тому, что в течение двух лет на фронте появилось до 40 различных газов, один другого сильнее. И, наконец, былпущен в действие и прит, или горчичный газ (точнее — не газ, а жидкость, пары которого имеют легкий запах горчицы).

Все газы могут быть разделены на 2 главные группы: удушающие и слезоточивые. Первые разрушают дыхательные органы, и человек после долгих мучений погибает или остается инвалидом. Вторые вызывают кашель и сильные слезы, лишая войска боеспособности. В помощь им идут вещества чихательные (вызывающие сильный насморк, поносов, кровотечение, рвоту и мучительные головные боли), ядовитые и «нарывные» (действующие на кожу и через кожу). К последним относятся и горчичный газ, одновременно с этим обладающий удушающим и слезоточивым действием. Он до сих пор является одним из наиболее сильных газов. Запах его почти не дает себя знать, и только через 4—5 часов человек начинает задыхаться, хотя бы он и ушел из отравленного воздуха. Иприт разделяет все тело, напитывает все предметы, землю и воду, а затем испаряется оттуда в течение нескольких дней. Вода и пища, по-

бывшие в парах иприта, превращаются в опасный, обычно смертельный яд; одежда становится источником отравления. Капля иприта, нанесенная на кожу глаза — причиняет смерть.

Таково ужающее действие «короля газов». Однако, и на нем не останавливается военная химия. Тотчас же после войны в Америке было открыто еще более сильное вещество — люси ит. Другой газ, недавно открытый тоже в Америке, настолько ядовит, что для опытов с ним пришлось построить лаборатории с необычайно сильной вентиляцией и без крыши. Газ из этого должен причинять мгновенную смерть.

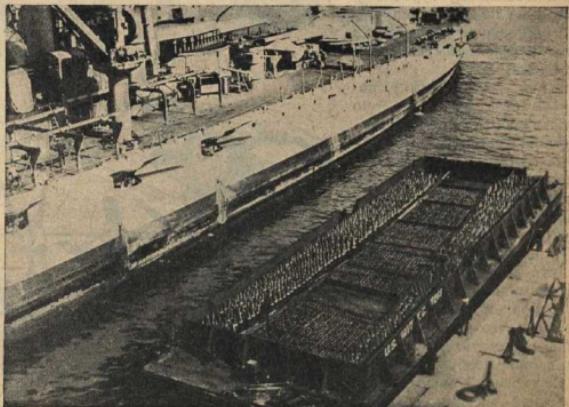
В Германии производились во время морских маневров опыты с применением газа, безраздельного для дыхания, но почти мгновенно парализующего зрение на несколько часов. Изобретен газ, вызывающий разрыв сердца от безумного судорожного смеха. Другой газ вызывает умственное расстройство — и т. п.

Некоторые газы губят всю растительность (например, лонгит), делая почву совершенно бесплодной на несколько лет. Кроме газов, говорят также об изобретении в Америке и Англии «лучей смерти», которые будто бы губят все живое на далеком расстоянии. Проверить эти сведения невозможно, так как работы военно-химических лабораторий, конечно, не публикуются в печати. Но и то, что уже достоверно известно, вполне позволяет судить, какими чудовищным арсеналом смертоносных средств запасаются капиталисты в расчете на неизбежную для них войну друг с другом и с Советским Союзом.

Непрерывное укрепление обороны и боеспособности нашей страны, усиленное внимание к жизни и нуждам Красной армии, поддержка и участие в работе Осознанхима — вот единственный путь, который, при активном содействии трудящихся всего мира, должен привести нас к победе в предстоящей схватке с капиталистическими хищниками.

Итальянская летающая лодка „Савои“

Устройство вооруженной части американского дредноута. На плоту — снаряды для тяжелых орудий

ПОТОМOK ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА

Роман И. САРКИЗОВА-СЕРАЗИНЫ. — Иллюстрации А. БРЕЯ

(Продолжение¹)

ВРЕМЯ на корабле шло чрезвычайно быстро и скоро. Уже десятая ночь спустилась над морем и над бежавшим к югу «Ринальдо». Еще днем скрылись из виду городки Кавказа.

Оглия мачты шхуны от парусов, чтобы не привлекать к ней внимание, шкипер направил ее к турецким берегам, скрываемым ночной мглою.

Ночью зловеще прозвучала команда бодрствующего капитана:

- Тихий ход!
- Есть тихий ход! — откликнулся механик.
- Право на борт! — продолжал командовать капитан.
- Есть право на борт! — отвечал рулевой.

К звукам капитанских приказаний присоединялись тромキンские скрипачи помощников, ругань неугоименного бояцмана, топот команды, в изг яз такелажа...

«Ринальдо», сделав поворот под прямым углом, отклонился, а затем по звуку боцманского свистка на палубу начали выползать из кубрика вооруженные матросы с турецкими фесками на головах. Цапля внимательно осматривал пушку на юте, и то же самое делал Петин на баке. Несколько матросов тащили вдоль палубы два пулемета и маскировали их среди палубных предметов.

Все приготовления указывали на предстоящее сражение.

9. НАПАДЕНИЕ НА ТУРЕЦКИЙ КАРАВАН

Всю ночь дрейфовала шхуна около турецких берегов и при первых признаках заря быстрым ходом направилась к небольшому турецкому городку Ризе. Неожиданно из-за мыса показался плывущий караван турецких судов, состоявший из десятка фелюг и огромной трехмачтовой барки.

Турки, увидев шхуну, вернули суда к берегу, но неподвижность «Ринальдо», турецкий флаг на гафеле, фески на головах матросов, глядевших из-за бортов шхуны, успокоили их, и барка, которая тороплилась поставить паруса, спокойно легла в дрейф.

Я взглянул на капитана. Он стоял на юте надменно-спокойный, в малиновой феске и с биноклем в руках. Хищные глаза его выдавали внутреннюю радость и с трудом скрываемое возбуждение.

С турецкой барки, переволненной людьми, о чём-то

Содержание предыдущих глав. Врач приглашается к раненому при взятии Перекона; командир матросского отряда — Труффин, который рассказывает ему свою историю: «Белая поступить в русско-турецкую войну флот добровольцем, сын феодосийского рыбака Труффин падает на шхуну «Ринальдо». Командир шхуны Вилланы — потомок венецианской дожей — бесцельно блуждает морем, занимается пиштольным на Черном море, нападая на мирные турецкие суда. Еки-аж шхуны вербовался из притонов Одессы, Севастополя и Батуми. На шхуне Труффин находит дозор — матроса Петина, механика Филиппова и кока Чикованы.

спрашивали нас в огромный рупор. Гортанный крик гулко несся над морем. Точно в ответ ему, злорадно крикнул рулевому шкипер:

— Полный ход!

Прямо держать!

— Есть прямо держать!

«Ринальдо» быстро понесся наперевес барке.

Первый выстрел в толпу мирно беседовавших на палубе турок, уже спокойно следивших за движением нашей шхуны, был сделан капитаном. Тревожный крик «Айя!» огласил воздух. Ощемленные коварны нападением, турки попlessly подпрыгнули на паруса, но пушки и пулеметы шхуны в упор расстреливали людей, мачты, решетки борта, сбивали реи. С мольбой о пощаде кричали турки.

Звуки боя захватили и меня. Я с увлечением следил за попаданием в неприятеля снарядов, с нетерпением глядел на Петина, лениво работавшего у пушки. Я тогда точно раздоился и не ощущал всей трагедии беспощадного уничтожения беззащитных людей.

Точно в пьяном экстазе бегал по юту шкипер. Он дико кричал и вместе с командой стрелял по опрокинувшимся лодкам, целясь в тонущих людей. Его лицо кривилось в припадке, он спускался с юта, бежал на шканцы, наклонялся к пулеметам и сам направлял их на турок. Потом дожа Николо да-Понте проявляя себя как уличный разбойник, грабитель, хладнокровный убийца детей и женщин.

У меня самого было перекошено лицо, я сам смеялся смехом безумца и побежал на призыв боцманской дудки к лодкам шхуны, в которые садилась вооруженная команда. Я очнулся только на борту турецкой барки, на которую взобрался с отрядом Кацыки.

Никто из турок не оказал сопротивления. На шхуне ехали беженцы с женницами, детьми и домашним склором.

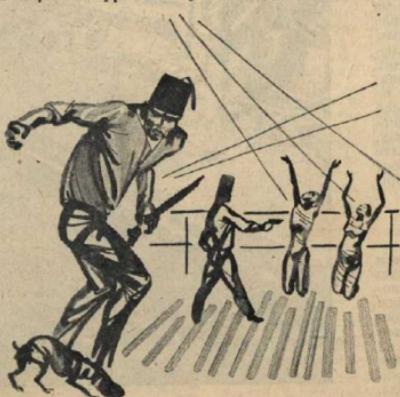
Покорные субъекты, как настоящие дети Востока, турки не просили пощады. Одни из них бросались в воду и тонули в море, другие становились в молитвенной позе на колени, поднимали руки к небу и в таком положении умирали под ударами винтовок.

Второй шкиперский помощник Артеменко то-и-дело спускал курок нагана и пособы скалил зубы.

Скользя по крови, спотыкаясь о тела убитых, полный гнева и отвращения к самому себе, я повернулся обратно к грату.

Возмущение происходящим внезапно пробудилось у меня.

1) См. «Смена» №№ 1, 2.

... В море икры вцепились чьи-то острые зубы

Тысячи мыслей зашевелились у меня в мозгу. Винтовка горела у меня в руках. Мое сердце зажглось протестом и бешеной яростью к людским отбросам, цинично издававшимся над беззащитными турками, и я, отбежав к мачте и спрятавшись за бочонок, направил винтовку на бандитов.

Я понимал, что за первым моим выстрелом должна была последовать и моя смерть, но и это не могло подавить во мне бурного протesta. Я прицелился в звериное, волосатое лицо Артеменко.

Нажал курок, шкиперский помощник медленно упал на колени и растянулся мертвым на палубе.

За дикими завываниями и выстрелами матросов и криками турок выстрел из моей винтовки не привлек к себе внимания матросов шхуны.

Ободренный своей удачей, я вновь приложил винтовку к плечу и направил ее в Кацыку,шедшего по палубе с деческим ящиком убитого турецкого шкипера. Я собралась спуститься курок, как вдруг почувствовало, что в мои икры вцепились чьи-то острые зубы.

Взбешенный неожиданностью нападения, я быстро оглянулся назад и к своему удивлению увидел небольшого щенка с ощетинившейся шерстью. Весь измазанный в крови, он кинулся в атаку на другую мою ногу.

Кацыка успел уже пройти к трапу и спустился в лодку.

В эту минуту раздался тревожный рожок с «Ринальдо». Взглянув на шхуну, я увидел на ней флаг — сигнал немедленного возвращения на шхуну.

На палубе кричали матросы: «Где Артеменко?»

Я побежал к лодке, по моим пятям несся щенок.

Я наклонился над щенком и, взяв за густую шерсть, спрятал его за ворот своей рубахи.

В лодке уже сидел Кацыка с денежным ящиком турецкого шкипера, и матросы рассаживались с награбленным имуществом.

Лодка стала быстро двигаться к шхуне.

Над баркой показались клубы дыма. Внутри судна начинился пожар. По палубе бегали матросы шхуны с лодки Артеменко, а внизу покачивалась вторая лодка с нашим кораблем.

С «Ринальдо» вновь зазвучал рожок сбора, а следом за ним выстрелила пушка.

Кацыка крикнул оставшейся на барке команде возвращающейся на шхуну, но увлеченные грабежом матросы с беспомощными улыбками успокоительно замахали руками.

Когда мы подъехали к шхуне, то увидели, что осталася команда толпилась у бортов и смотрела на горизонт. Я также взглянул по направлению мыса: ничего подозрительного не было на голубой поверхности. Но

морю плавали обломки фелюк, красные фески утонувших турок, бочечки и ящики с палубы барки.

Шкипер в гневе грозил кулаками в сторону оставшейся на турецком сунне части нашей команды.

Вторично выстrelila пушка и горнист настойчиво пропротрубил сигнал сбора.

Чувствуя на своей груди дрожащего щенка, я направился в камбуз к добруму Чиковани и попросил спрятать щенка.

10. БЕГСТВО ОТ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

В эту минуту капитан закричал, отдавая приказания:

- По местам! Фок и грот садить! Полный ход!
- Есть полный ход! — ответил механик.
- Смотреть на пушках!
- Есть! — также последне откликнулись Петин с бака и Цапли с юта.

Меня поразил бешенный темп работы команды над установкой парусов. Матросы показывали чудеса смелости и быстроты исполнения. Казалось, излишними были окрики Кацыки и напрасными завывания боцманского свистка. Не успели еще мачты одеться в паруса, как уже зарябала мотор, и судно сдвинулось с места.

Раздался рев со стороны турецкой барки. Брошенные на барке наши матросы с необычайной поспешностью кинулись в лодку. Они огласили воздух полными отчаяния криками. На барке показалось пламя, и дым уже огромным густым столбом стал подниматься над морем.

Пламя пожирало судно и огненными струйками вспыхивало на мачты и палуба, охватывало палубу.

Шкипер отдал новое приказание:

- Целься в перископ! Стреляй!

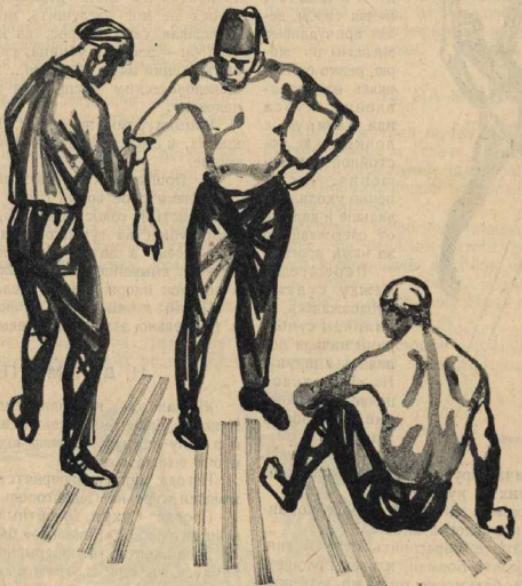
Петин дернул затвор, и над бортом нашего судна блеснул выстрел.

Из глубины моря выплыла на поверхность воды турецкая подводная лодка довольно устарелой конструкции.

Взойди на поверхность воды, подводная лодка стремительно направилась к барке и разрезала пополам оставленную нами шлюпку. Упавших в воду наших матросов турки стали расстреливать.

Расправа с остатками увлекшейся грабежом нашей команды и спасение женщин с горевшего судна подводной лодкой позволили «Ринальдо» отойти на большое расстояние от места катастрофы и держать курс к берегам Кавказа. Шкипер торопился уйти от возмездия. Матросы тревожно глядели назад, на турецкую субмарину и на пламя, охватившее, наконец, всю барку.

Последующие часы «Ринальдо» бежал от обстрелившей его подводной лодки.

...Чиковани перевязывал раны...

Шкипер размеренно шагал по юту.

Я не мог отвести своих глаз от лица смуглого человека, руки которого могли играть чудесные мелодии на скрипке и спокойно убивать детей и женщин.

Он подавлял силой своей воли, и матросы не могли, не смеяли не исполнить его команды.

Подводная лодка то опускалась в воду, то подымалась на поверхность для обстрела шхуны, и «Ринальдо», меняя галсы, делая причудливые зигзаги по морю, резко отклоняясь от направления курса или лавируя с ловкостью, достойной восхищения, постепенно уходил все дальше и дальше от следовавшего за нами врага.

Перестрелка между судами продолжалась, и снаряды сумбурины начали попадать в шхуну. На «Ринальдо» появились раненые. Наш добный Чикованы, сменив должность

кока на обязанность врача-хирурга, перевязывал раны и переносил пострадавших в кубрик.

Мог ли заурядный человек, точно на параде, командовать так судном, как командовал шкипер!

— Право руля! На гроте обраспопить реи! Петин, ворон ловишь, опять перелет! Бомбам, кливер полоцет!

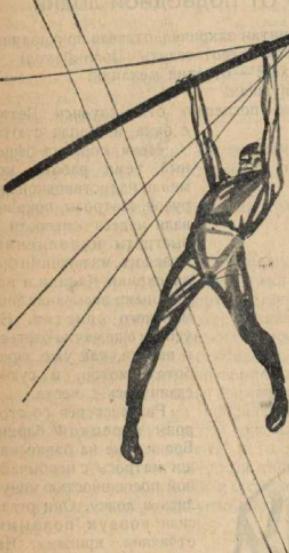
Уже вдали показались батумские горы, но турецкая лодка упорно не желала рассстаться с нами. Наконец, на горизонте задымились трубы наших эсминцев, и «Ринальдо» смог войти на рейд Батума.

Я задавался вопросом: не был ли капитан шхуны душевно-больным человеком?

Не успел «Ринальдо» бросить якорь и ошвартоваться на рейде Батума, как шкипер немедленно спустился в каюту. Какая-то сила заставила меня последовать за ним. Было ли это простое любопытство, или я инстинктивно стремился узнать, что будет делать этот человек после кровавого дня — не знаю. Взяв в руки щетку и веник, которыми обычно обтирал стены и пол каюты, я постучался в дверь.

В комнате, в мягком кресле, снявши сюртук, сидел шкипер и держал в руке переплетенную книгу с надписью «Избранные стихи Надсона». Лицо его дышало каким-то внутренним покоям.

Капитан, увлеченный чтением стихов, долго не обращал на меня внимания, как не обратил внимания и на вошедшего к нему Кацыка.

... Я повис над палубой

Обычно шкипер вообще не замечал меня и никогда не разговаривал со мной во время уборки каюты. На этот же раз он изменил своему молчанию.

— Ты грамотен? — спросил он меня.

— Грамотен.

— А стихи любишь? — продолжал шкипер.

— Люблю, капитан.

— В таком случае слушай!

Шкипер вновь взял в руки изящный томик и проинточенным голосом начал читать мне известное стихотворение Надсона «Друг мой, брат мой»...

Смягченный, ставший нежным, голос шкипера вкрадчиво входил в сердце и сладкой отравой заглушал мое вспыхнувшее негодование, мою ненависть к извергу, на чьих руках еще не высохла кровь убитых. Если бы капитан пристальное заглянул бы тогда в мои глаза, он прекратил бы свою декламацию! Яд его бархатного голоса не мог заглушить моего испуга и отвращения. Я задавал себе вопрос: да кто же капитан Вилланд? Кто он — злодей, убийца, садист, сумасшедший, может быть, гений зла... Да... да... гений, ибо мне с моим общечеловеческим масштабом трудно подойти к такому человеку.

Кацыка громко закашлял. Шкипер откинулся на спинку кресла, и его глаза опять приняли свое жестокое выражение.

— Пошел вон из каюты! — грубо приказал он мне. Я некоторое время стоял у каюты, слышал громкий раскатистый голос шкипера, выслушивавшего подробности убийства турецкого капитана и ограбления судовой кассы, а затем приился работать над уборкой палубы, смыванием кровавых пятен и над приведением в порядок изорванного таекала.

Целый месяц стоял «Ринальдо» в батумском порту и тщательно залечивал боевые раны.

11. ДОКУМЕНТЫ КАПИТАНА

«Ринальдо» красили, смолили, обновляли паруса. Наконец, баки были наполнены нефтью, трюмы — грузом, и в одну темную ночь на шхуне были подняты паруса и она вышла в море.

Погода мало благоприятствовала рейсу шхуны, державшей курс на Севастополь.

Пройдя Сухум, попутный ветер сменился ветром, дувшим в лоб, и «Ринальдо» был принужден менять галсы.

Две суток беспрерывного напряжения утомили команду, и она с трудом волочила ноги, взбегая по вантам.

Капитан теперь почти не спускался в каюту и день и ночь находился на юте. Прислонившись к влажным поручиям, он наскоро глотал пищу, приносимую его служой Цаплей и продолжал управлять судном. В нахлобученной на голове збайд-вестке, в непромокаемом плаще часами стоял он у компаса рядом с рулевым. К этому времени относится интересный случай, давший мне неожиданную возможность проникнуть в прошлое шкипера и объяснивший мне многие его поступки.

Однажды утром, задержавшись в каюте капитана, я невольно обратил внимание на оставленный на столе шкипером небольшой кованый ларец с дворянским гербом на крыше.

Повинуясь непреодолимому любопытству, я приподнял крышку шкатулки и на ее дне увидел пожелтевшие от времени листки бумаги, тонкий исписанный пергамент, перевязанный шпагатом, две фотографические карточки — молодой женщины с печальными глазами и славянским носом и ребенка двух лет.

Развернув заинтересовавший меня пергамент, я нашел в нем русский перевод латинских слов, которые были нанесены на желтые листочки древней рукописи.

Надпись гласила: «История великого рода Виллани».

Начиналась она словами: «В летах господних 1297, в девятый день месяца июня вернулся из Кафы отличный и могущественный адмирал Венеции Джiovanni Соранцо на шестнадцати галерах, вместе с благородным господином и имелитым дворянином Джакомо Виллани, консулом Солдайи¹), взявшим в жены непревзойденную красотой dochor Соранцо, прекрасную Веронику».

Дальше шло описание подвигов адмирала на Черном море, уничтожение генуэзского флота, осада Кафы и свадьба дочери его с Виллани.

Первая страничка заканчивалась словами: «Да возведится род Соранцо и Виллани, всевышнему на славу, врагам на погибель. Да охранит бог их потомство навеки».

На второй странице подробно описывалось рождение сына, отезд Джакомо (Виллани в Солдайю, измена молодой жены в отсутствии мужа и смерть ее от руки родного отца — адмирала Соранцо.

Вторая страничка кончалась следующим: «Иисусе, ты удалил позор с головы мужа и увеличил славу рода Виллани. Да охранит господь его потомство!»

Последующие листки описывали подвиги, богатство, почеты и славу потомков Виллани на протяжении трех столетий. Последние страницы обрывались словами: «Лета господня 1560, в 20 день августа венчался высокодостойный муж Раффаэло Виллани на внуке великого дома Венеции Николо да-Понте — Анжелике да-Понте. Чей род по славе и могуществу может сравниться с родом Виллани?»

Я аккуратно свернул пергамент и уложил его в шкатулку.

Пергамент рассказал мне о соединении трех ответвлений наиболее известных венецианских родов: авантюриста и дочеребуйцы Соранцо, колониального управителя Виллани и хитрого, лицемерного жестокого иезуита — венецианского дожа Николо да-Понте.

Считая историю рода Виллани, я взялся за чтение писем, написанных мелким бисерным почерком.

Мне удалось прочитать только несколько слов первого письма, так как на юте раздались шаги шкипера, спускавшегося по трапу в каюту.

Письмо начиналось такими словами: «Во имя нашей прежней любви, во имя нашего ребенка, насильно отнятого из моих рук, во имя всего святого, что еще осталось в твоем сердце, или убей меня или дай взглянуть мне на яркое солнце, на дневной свет, на мир земной...»

¹) Генуэзское название крымского городка Судак, где в XIV в. была итальянская колония.

Быстро захлопнув крышку ларца, я отскочил к портфелю Жан-Барта, известного французского корсара XVI века, и стал стирать пыль с стекла и рамы.

Шкипер заметил мой смущенный вид, мои то бледневшие, то наливавшиеся кровью щеки, мое неумение скрыть свое волнение, но не сказал ни слова и молча спрятал ларец в кованый сундук, ввинченный в стену.

— Ты что здесь ворон ловишь? — крикнул он мне, и не ожидая ответа, указал на дверь каюты.

Я немедленно вышел на палубу.

К обеду около Новороссийска на нас налетел знаменитый nord-ost.

Я, как сейчас, ясно вижу надменное лицо шкипера, решительное и уверенное в победе над силами природы. Он решил бежать от шторма, перевел судно на фордевинд, и «Ринальдо», послушный его проказы, с бешеною быстротой убегал от исполинских волн, гнающихся за нами, и, глубоко зарываясь носом, черпал бортами сотни тонн морской воды.

12. НА МАЧТЕ В БУРЮ

В этот жуткий момент, когда каждую минуту могли рухнуть мачты и увлечь «Ринальдо» в пучину воли, мы услышали приказание шкипера:

— Боцман, пошли на салинг, взглянуть, не видно ли оттуда берегов.

Матросы вздрогнули. Можно ли было взобраться на салинг при бешеном беге судна, при боковой качке, почти сближившей клотики мачт с верхушками волн?

— Пшел на салинг, хромой чорт! Что прячешься за парус? — около меня стоял боцман.

Я не отвечал ему.

— Пошел, неголяй! — рванули меня грубые руки, и перед глазами заблестел колът. Боцман выражал решимость уложить меня на месте.

Я судорожно зацепился за скользкие ванты, полез на грот-марс раскачиваемого чудовищными волнами «Ринальдо».

Я повис над палубой.

Раскачиваемый гнующейся мачтой над морской пропастю, я понял хладнокровие шкипера, его игру со смертью. Сложное чувство сменило недавний испуг и нерешительность. Во мне проявилась какая-то нечеловеческая воля к борьбе и победе.

Цепляясь руками и ногами за ванты, я осторожно полз все выше и выше к плоскости грот-марса,

Я достиг ее в момент значительного истощения своих сил. Мое тело обессиялело. С пальцев текла кровь, оставляя следы на мачте.

(Продолжение следует)

Труффин продолжал свой рассказ

НА ЛЫЖАХ И КОНЬКАХ

(ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗИМНЕГО СЕЗОНА)

Очерк Л. ЗИМИНА

ЗИМНИЙ спорт начался с очередей. Осенью уже шли нарасхват лыжи и коньки во всех магазинах, но особого азарта еще не было. Как только выпал первый снег, заселились у дверей хостелей, как никогда. «Такого сезона еще не было» — говорили продавцы. И, действительно, качество не смотрели, лишь бы было что купить.

В Москве и Ленинграде спрос на спортивный инвентарь в общем был удовлетворен. Наши кустарни, Трест массового производства, выпустили удовлетворительного качества «Снегурку», «Нурмис» и «Английский спорт». Немного хромали беговые коньки — «Норвежские». Последние дорого продаются — около 22 рублей, а по своей прочности стоят в четыре раза меньше. В Москве, хотя и с некоторым запозданием, был установлен кредит на спортивные принадлежности в магазинах МСПО и ГУМа. Это дало возможность обзавестись коньками и лыжами большому числу рабочих и учащейся молодежи.

Довольно рано наступила зима на Украине; там к подготовке спортивного сезона отнеслись без должного внимания. Ряд писем от рабочих Донбасса наполнены жалобами на то, что слишком поздно открывались катки, не было в продаже спортивного инвентаря нужного качества. Довольно ловко учили положение частинки и пустили в продажу по 5—6 рублей пару всякий железный хлам под видом коньков.

Количество катков на фабриках и заводах выросло за этот год в несколько раз. Наплыв желающих кататься превзошел все ожидания. В Москве на центральных хороших оборудованных катках в праздничный день не видно было льда: все наполнено густой массой катавшихся. Сразу слишком тесными оказались раз-

левалки. По часу-полтора приходилось стоять в очереди, раньше чем удавалось сдать на хранение верхнюю одежду или получить ее обратно.

Организации порядка на катках оставляют желать лучшего. Очень слабо велась борьба с хулиганством.

Несколько обделенными остались в этом году ребята. Письмо ВЦСПС о предоставлении катков на дневные часы в бесплатное пользование ученикам и пионерам больших результатов не дало. На катках, принадлежащих профсоюзам или отдельным фабрикам и заводам, как норма, были выделены два дня в неделю для посещения ребят. Конечно, трудно удовлетворить двумя днями тысячную массу, нуждающуюся в свежем воздухе. Не совсем пошли на встречу ребятам и наши спортивные производители: трудно было дастасть коньки небольшого размера; слишком дорого (5—9 рублей) стоили лыжи для детей и подростков. А ведь редкий папаша согласится дать червонец на покупку лыж, которые, может быть, сломаются на первой канаве.

Лучше всех поступили деревенские ребята. В редкой деревне, расположенной в более или менее холмистой местности, не найдешь лыжников в возрасте от 6 до 13 лет. Старшие ребята уже стыдятся пользоваться самодельным инвентарем. А так как готовых лыж или коньков не купишь: нет денег, да и магазины только в городе, — следовательно, зимний спорт в деревне больших успехов в этом году еще не сделал. Значительную помощь деревне оказал Московский Совет Физкультуры, выпустивший дешевую книжку: «Как самому сделать лыжи». Руководство составлено таким образом, чтобы можно было при помощи простой пилы, топора, рубанки и стамески сделать приличную пару лыж.

Комсомолка Герасимова — победительница в беге на лыжах на 5 километров

Деревенские «оголицы» делали из дощечек вполне подходящие лыжи. Деревянные колодки с железными полозами скользили по льду, как заправские коньки. Норм катания или пребывания на воздухе, которые с такой типательностью разрабатываются для наших ребят губернаторами, для деревенских ребятишек, конечно, не существовало. Какой-нибудь Мишутка, которому мать посоветовала «не пугаться под ногами», очень охотно выкарабкивался рано утром на улицу, захватив с собой самодельные коньки, лыжи или санки. Он-то знает, что детям нельзя заниматься спортом при температуре ниже 12°, нельзя «быть на морозном воздухе» больше 3 часов подряд. У Мишутки нет градусника, таких приборов не найдешь пока в деревне. Поэтому он одинаково одевается, выбегая на воздух при любой температуре. И веселая гурба ребят катается на лыжах или санях, не зная, что мороз уже за 20°. И как всегда разумны холодом щеки и блестят глаза.

Зима в Голландии. Катание крестьянской молодежи на коньках

Почему-то мало еще строят у нас горы для катания на санях. Не всякий рабочий умеет кататься на коньках, не всегда тинт итти за город на лыжах, особенно после фабрики, в темноте рано кончавшегося зимнего дня.

Довольно быстро идет постройка ледяных гор в Ленинграде. Хорошую гору сделали на «Красном Путиловце». Непрерывный поток рабочих осаждает всегда эту лучшую базу спорта для взрослых рабочих. Но не сумели наладить нужного порядка. Каждый день несчастные случаи. Не огорожено место раската, по которому с бешеною скоростью несутся санки. И нередко катящиеся сшибают с ног и есторожных, пытающихся перебежать полосу ската.

Растет лыжный спорт — одно из лучших средств физической подготовки призывника. С громадным успехом прошел лыжный пробег, организованный Московским Советом Физкультуры. В отличие от обычных наших лыжных соревнований, в которых участвуют небольшие группы на лучших лыжебежцах, пробег прошел при очень большом участии рядовых лыжников-рабочих и даже крестьянской молодежи.

Лучше всех подготовились к пробегу орехово-зуевские текстильщики, двинувшиеся в путь колонной чуть ли не в 500 чел.

Впервые в СССР состоялся лыжный пробег пионеров. Этот опыт имел большое значение — не только спортивное, но и общественно-культурное. Ребята тщательно готовились к пробегу, заранее вперед посыпались квартиры — разговаривать насчет помещений для ночлега и питания. Большой частью гостили в пути у местных пионерских отрядов. Здесь наблюдалась самая трогательная взаимопомощь. Хозяева крахтели, нося побольше дров, соломы, старались во всем угодить прибывающим лыжникам. Гости являлись со своей «живой газетой», хором пели новые песни, и удачно проходил вечер смычки. Остановились и у красноармейцев. Здесь уж пионерам была совсем ляга: окружала самым заботливым вниманием, давали

Натон МГСПС перед состязанием по спортивному бегу на коньках. Идут на прогулку Я. Мельников и Кузьмин

Бег детей с препятствиями на катке в Лондоне

Первый в СССР лыжный пробег пионеров. Пионеры Красно-Пресненского района

докладчиков, которые рассказывали о подвигах красных бойцов, о том, как пионеры могут участвовать в деле обороны.

Физкультурники-железнодорожники сумели связать лыжники эстафетой Тюмень с Москвой.

Из Тюмени с командой лыжников был отправлен пакет, адресованный Центральному комитету железнодорожников.

Команды прошли этап и передала эстафету дальше.

30 декабря вышла первая команда из Тюмени, а 8 января эстафета уже подходила к Вятке. Команда вятских железнодорожников приняла эстафету вечером 8 января на станции Ардаша и, без отῆда пролетев 73 км, прибыла в Вятку в час утра 9 января.

Команда северных железных дорог, получившая пакет в Вятке, двинулась сразу до Котельниччицы, а это около 90 км.

Дальне пошли этапы покорение от 10 до 40 км.

От Вятки до Москвы эстафету передавали 114 лыжников. И, наконец, 17 января пакет был передан по адресу ЦК желдора. Этот пробег явился блестящим доказательством хоровой постановки лыжного спорта на Пермской и Свердловской жел. дор.

На коньках, после больших перерывов, стали появляться новые чемпионы-скоростники.

Первоклассные московские конькобежцы, выехав в Тулу и Нижний Новгород, здесь уже не новичков, которые пришли поучиться у столичных чемпионов, а равняли себе по силам спортсменов. Нижегородцы Лебедев и токарь Тульского завода Благов оставили за собой на 500 метров лучшие силы Москвы. Я. Мельников, кандидат на «первенство мира», уже не так уверенно выходит на старт соревнований.

На межгородских соревнованиях в Москве на дистанцию 500 метров Мельников был уже третьим. Не только ленинградский скород Калинин, показавший блестящее время — 48 с., но и новичок вчерашнего дня Кузьмин оставил сзади себя Я. Мельникова.

В пятом номере нашего журнала читайте очерк о всесоюзном празднике зимнего спорта

И С Т О Ч Н И К К Р О В И

Азербайджанская легенда АБДУЛЛА ШАИН. — Перевод с тюркского ДЖАНГИРОВА

В ОДИН из пасмурных сентябрьских дней два всадника проезжали по извилистой дороге, то поднимавшейся на гору, то спускающейся в ущелье. Одному из них было не более 20 лет, а другой — старик семидесяти лет.

Все движения старика, его выдержанная езда, сколенный взгляд не отличали его от молодого. Только длинная белая борода на лице давали прекрасный возраст.

Чем дальше, тем путь все более сужился. Справа дороги отвесной стеной поднималась скала. Слева — пропасть.

Время приближалось к полуночи. Всадникам захотелось пить, особенно вязлая жажда на молодом. Его глаза не терпеливо, беспокойно искали воды. Вдруг ему послышалось журчание воды.

— Отец! Да будет благовестью: издалека слышен шум родника! — воскликнула сына, мчясь к воде.

Старик с улыбкой взглянул вслед сыну.
Юноша подлетел к роднику и увидел воду необыкновенную, а красно-буроватого цвета. Не взирая на это, он принял утолить свою жажду. Однако, сдав хлебнув, он встал и спросил подошедшего отца:

— Что это за вода?

Отец, улыбаясь, спросил:

— Ну как, успокоился, утолил жажду?

— Нет, отец, — ответил он. — Эта вода непитевая, она оставляет рту вкусы железной оскомины. А цвет ее — кровь.

— Правильно, сын мой! — воскликнул отец. — Эта вода смесь железа и крови; она — лекарство для малокровных больных, потому она и называется «Источником Крови». Слушай, я расскажу историю этого родника.

Это ущелье делит землю на две части. Предполагают, что в старину по ту сторону ущелья жило большое племя, которое называлось Мисир-хан. А по эту — другое племя во главе с Сурай-ханом.

Между двумя ханами шла постоянная вражда, кровная месть. За десятилетия они успели уничтожить многих своих родственников. Но последних ханов — Мисир-хана и Сурай-хана — аллах не наделил детьми. Они терпеливо ждали от себя поклонения, чтобы воспитать в нем боевой дух для будущей вражды и мести.

В одну ночь их жен рожают детей: жена Мисир-хана родила двоих, а Сурай-хана — сына. Насколько радуется Сурай-хан, настолько печальны и горюют его враги.

Мать Мисир-хана успокаивает сына.

— Сын мой, — говорит она, — я знаю, что тебя расстраивает. Но разве ты не знаешь, что девочка может быть сильнее и храбрее джигита и мистикуму? Только надо ей дать соответствующее воспитание, и она не отстанет от мужчин.

С воодушевлением Мисир-хан обнял мать:

— Мать моя, — сказал он, — какая умная мысль у тебя! Но скажи: знают ли, что у меня дочь?

— Кроме меня и твоей жены никто не знает.

— Прекрасно, — втра я объявило, что у меня родился сын. А до сих пор воспитание джигита. Но только, чтобы это было полной тайной.

И этого для девицы назвали Теймур-хан, а на этой скале, расположенной напротив, построили для нее домик. Отец сам воспитывал ребенка. Игрушками для него служили: ружье, книжка, шашка, а дру-

зьями его были обитатели этой скалы: дикие птицы, хищники. При таком воспитании Теймур-хан не отличался от прочих джигитов как в верховой езде, так и в стрельбе. Кроме этого, людям изумила неописуемая красота Теймур-хана.

Не менее славился сын Мисир-хана — Паша-хан.

Но вот в одно чудесное весеннее утро Теймур-хан, охотясь, гонится за дичью и переходит через это ущелье во владения Сурай-хана. По совпадению, сын Сурай-хана Паша-хан тоже выходит на охоту. Эти двое вслана встречаются на том самом месте, где ты пробовал пить, — тогда еще никакого источника не было.

Необычайная, совсем неприсущая мужчине женская красота Теймур-хана изумила Паша-хана. К Теймур-хану, несмотря на то, что он получил за 18 лет воспитания хищную, кровожадную птицу, все же чувства женщины, женственности своей она не потеряла. Огонь любви зажег и уничтожил ее львиную душу.

Ее взгляды, приводившие в страх джигитов, теперь искали дружбы и поддержки у Паша-хана.

Онувшись от грез, Паша-хан вспомнил, что они являются представителями различных племен, находящихся в кровной вражде.

— Ты очень красив, и это не подлежитспору, но по-прежнему, как умеешь владеть шашкой, — крикнул он, вынимая свою шашку.

— Вот это сейчас почтуешь на своей шее, — ответил Теймур-хан, бросаясь с шашкой на Паша-хана.

И так же, как после молнии раздается гром — от ударов шашек брызгины искры, и их шум наполнил воздух этого ущелья. Долго они состязались, но друг друга победить не могли.

В это время за горой восходит солнце, и лучи его пронизывают глаза Теймур-хана... Он сощурился. Воспользовавшись этим, Паша-хан наносит удар в грудь ему.

— Ах, что ты, немужественный, сделал! — болезненно воскликнул Теймур-хан, падая на землю.

Кровь на груди Теймур-хана, кипящая книп, окрашивая ранение весенние цветы и травы.

Паша-хан бросается к Теймур-хану, раскрывает грудь, чтобы перевязать рану.

— О, аллах, что я сделал! Ведь ты женщина! — рыдала, приподнимая голову Теймур-хана. — Выговори хоть слово, моя прелестная, — говорит убитый горем Паша-хан. — Хоть своим последним дыханием проклами мена.

— Паша-хан, — медленно, тихо проговорила она, — изъявляю только мои любовь к тебе. Пусть будет проклят тот адат, который сделал нас врагами. Паша-хан, прощай! Жизни и наслажданий природой, а я ухожу.

— Подожди немножко, подожди, красавица, — воскликнул Паша-хан, вынимая книжал: — Паша-хан один не остается: и он с тобой уйдет. Пусть наша кровь соединится в одну струю. Ударив книжалом себя в грудь, Паша-хан мертвым упал на грудь Теймур-хана.

В это время сильное землетрясение пронесется по Кавказу, земля закрывается и причет в глубине своей двух любовников. На поверхности появилась вода цвета крови и вкуса железа. По всей вероятности, эта вода образовалась из смеси крови и железных вооружений Паша-хана и его возлюбленной Теймур-хана.

«Долго они состязались, но друг друга победить не могли»

ДВА ДРУГА, МОДЕЛЬ И ПОДРУГА. Слева — Ахов и Махов приносят изобретенную ими машину в уездный город. Справа — Удовлетворительные «результаты» испытания в губсоннархозе

МОЛОДЕЖЬ В КИНО

«ПАРИЖСКИЙ САПОЖНИК»

ТАК ЖЕ, как и картина «Ухабы», фильм «Парижский сапожник» рассказывает о любви комсомольца и комсомолки. Нас не может не радовать, что комсомол стал темой кино. Кто ходит больше всего в кино? Молодежь. Видела ли молодежь себя на экране. Увы, до сих пор нет. «Парижский сапожник» и «Ухабы» — начало. Хорошее ли начало? Не очень.

Мы не уверены, что комсомол узнает себя в образах «Парижского сапожника», в рассказе о парне, комсомольце Андрее, который любит «девочку» и «мировой масштаб». Он не только бросает работницу-комсомолку Катю, когда у нее должен родиться ребенок, но даже предлагает ей сойтись с «четырьмя» парнями (из заводской шинаны) — таким-де способом все «ликидируется». Следят о совершенствовании сожительства с «четырьмя» тучей нависает над Катей. Она погибла бы, если бы не вмешательство комсомолки-активистки, ликвидирующей сплетни с помощью показаний друга Кати, глухонемого сапожника, который выступает мстителем: убийств Мотыка Тунделя, клемвтика.

Переложение повести Ник. Никитина «Преступления Кирика Руденко» слабее повести. Там роль калеки мороженица была больше, значительней, его близость к Кате очевидней (Ката живет у Руденко с ребенком) и месть логичней (он — уби-

вает Андрея). В фильме же Руденко, превратившийся в сапожника — лицо служебное, и он — «светлая личность», а не комсомол — спасает Катю. В картине вышецен бирюкрат-секретарь ячейки, который предлагает Андрею, вместо доброго совета и товарищеского участия, книгу «Проблемы поля» — сборник под редакцией Семашко. Но где остальные комсомольцы, где вся ячейка? Девушку грызут заборы, а они обсуждают — живет она с одним или с четырьмя. Не показана комсомольская спайка. Только когда Катя реабилитирована, происходит спор в ячейке о том, кто возьмет к себе Катю, которую вынуждали родители.

А в общем «Сапожник» — интересная в отдельных моментах, хорошо освещенная молодежи картина.

«ДВА ДРУГА, МОДЕЛЬ И ПОДРУГА»

Наконец, кино-водевиль, добротный и веселый, который может вырасти в комедию, у нас есть. Это «Два друга, модель, и подруга» — фильма крепкая и сочная.

Сколько огорчений было у нас с советской кино-комедией. Все наши комедии были «мутными чашками чая». Режиссеры из кожи лезли, чтобы поразить нас каким-либо сюжето-бытовым (в прямом и переносном смысле) триком «под Гарри Ллойдом», «под Чаплином». И наша кино-комедия выходила мергвой, кло-

унской, крикливой. Удар был направлен мимо жизни.

Конкретная жизненность событий в фильме «Два друга» резко выделяет эту картину из общего уровня советской комедии. Перед зрителем два парня с их изобретением, бирюкраты, мешающие его осуществлению, поставщики ящиков — задув, который должен во что бы то ни стало утопить парней, либо ему самому сумела сделать такой живой и понятный!

Мы мало замечаем, как много смешного в медоцах, во внешности людей, похожих на их характеры (добродушный директор фабрики; кретиноподобный «заяв, угодливый и энергичный заяг губсоннархозом). Картину умеет дать их нескользкими черточками.

Фильма хороши также соединением в нем простых и патетических моментов (напр., трагическая неудача Ахова и Махова при демонстрации их машины для сколачивания ящиков на производственном совещании) со сценами большой сатирической силы, как сцена с пароходом, севшим на мель.

И еще хороша в фильме природа. На сцене Ахов, Махов и Даща, путешующие на своем самодельном теплоходе по реке, изображают отношения парней и девушки простыми, понятными. Хорошая картина.

А. Г.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

Задача № 4
С. Нальниш

Задача № 5
Д. Нильсль
(„Пули“—из старинных задач на военные темы)

Мат в 2 хода

2 самостоятельные задачи (в правой и левой части доски). В каждой мат в 2 хода

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В ШАХМАТАХ.

Древние изобретатели шахматной игры, несомненно, предполагали создать из нее подобие военного искусства. Само расстановка шахматных фигур и даже умение помеха на построении древне-индийской боевой колонны («даманы»). Впереди нещия вояска—«даманы». Центральная и передовая линии окружены боевыми склонами. Дальше линии, и за фронтом боевые орудия—«бомбы» (одно из старинных называний ладьи). Самая основная идея шахматы—убить матом противника, а не прорвать его линии, ходить с ним флангами, когда запущенная обычно зреющим покрым, элементом неопрятного царя.

Шахматный правило за многое сотни лет существования этой драматической подобия военного искусства, не основные стратегические позиции, а в шахматах их составители, остались неизменными. Поэтому и сейчас, когда в военных играх шахматы всегда эта игра, потерявшая всякую связь с военной игрой, присобралась самостоятельную высокую ценность, элементы военного искусства сохранились в ее правилах.

Принцип развития сил на шахматной доске очень схож с мобилизационными планами военных штабов, когда

—ШАХМАТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

На снимке партия чемпиона Красной армии и флота. Справа т. П. К. Нордвалийский, чемпион Красной армии и флота, слева т. Кунц—второй призер этого турнира.

Наш снимок изображает оригинальный матч «живыми шахматами» между краснофлотцами и красногвардейцами на пл. Урицкого против Зимнего Дворца в г. Ленинграде.

Главный № А-7.917.

Отпечатано в 7-й типографии "Искусство Революции" Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

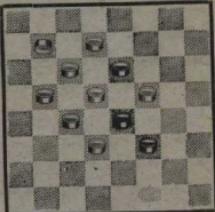
Под редакцией Л. Е. Рубинштейна

№ 13. Задача

№ 14. Головоломка

Подпись к рисунку лайта и
самом портрете

Тремя ходами снять 10 шашек

№ 15. Задачка

Я просветительское заведение: я забедил, выматывающее все и всех; читал наоборот, с гласной буквой — хлеб. Кто я?

№ 16. Бурима

бестолковый
шопли
снова
король
важный
изволь

К прилагаемым рифмам написать стихотворение.

№ 17. Загадочная картинка

Найти «зайца»

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

«СМЕНА»

№ 3 Февраль 1928 год

СОДЕРЖАНИЕ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ. Д. КРУТИКОВ — Дядя — полтора Захара (рассказ). А. ИСБАХ — Вооруженная жизнь (очерк). А. ПЕТРОВСКИЙ — Немецкое военное. ХРЕБЕС — Частушки о войне. М. ГРЕН — Командисты готовятся к войнам. И. САРКИЗОВ — СЕРАЗИН — Потомок Венесуэльского ложе (роман приложений). ЗИМИН — На лыжах и на коньках (первые итоги сезона). АБДУЛА ШАЙК — Источник крови (азербайджанская легенда). НОВОСТИ КИНО. ШАХМАТЫ. ЗАДАЧИ И ИГРЫ.

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ

Тираж 25.000.